

ВАДИМ ПАНОВ

КОГДА БУДУЩЕЕ СТАНОВИТСЯ НАСТОЯЩИМ

ПАНДЕМИЯ

АРКАДА: ЭПИЗОД ВТОРОЙ
suMpa

Вадим Юрьевич Панов
Пандемия. Аркада.
Эпизод второй
Серия «Аркада», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48470747

Аркада. Эпизод второй. suMpa:

ISBN 978-5-04-104931-7

Аннотация

Этот мир фальшив чуть более, чем полностью.

Мир, в котором дополненная реальность подменила собой действительность. Мир, в котором люди видят только то, что хотят: красивые дома, красивые машины, красивых себя. Идеальных, без изъяна. Это наш мир, Земля 2029 года, мир, в котором нельзя доверять собственным глазам.

Мир лжи.

Мир, падающий в бездну апокалипсиса. Ложь заставила людей начать самую страшную войну в истории – против самих себя. Ложь накинута на мир удавку тотальной диктатуры, готовясь обратить людей в стадо рабов. Ложь погубила и закон, и мораль, но не смогла убить чувства, и посреди чудовищной лжи прекрасного будущего разворачивается удивительная история искренней любви между мужчиной и женщиной, которых, кажется, свела сама Судьба.

suMpa – вторая арка 2029 года от мастера прозы завтрашнего дня Вадима Панова.

Содержание

data set primus	11
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Вадим Панов

Пандемия. Аркада.

Эпизод второй

Аркада (фр. arcade) – ряд одинаковых по форме и размеру арок.

Аркада (англ. arcadegame) – жанр компьютерных игр, характеризующийся коротким, но интенсивным игровым процессом.

Аркада (таг. arcade) – проект исследования будущего Вадима Панова, не связанные между собой романы, описывающие варианты развития человечества к 2029 году н. э.

Все персонажи вымышленные, любые совпадения с реальными людьми и событиями, имевшими место в действительности, являются случайными.

© Панов В. Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Мы крайне редко задумываемся над тем, в каком чудесном мире живем.

Мы построили удивительное общество, привыкли к нему, перестали радоваться достижениям, и в этом... И в этом, конечно же, нет ничего странного: восхищение прекрасным, каким бы сильным оно ни было, не может длиться вечно.

Удивительное новшество превращается в обыденность, и мы воспринимаем его как часть повседневной действительности. И в какой-то миг никто уже не сможет убедить нас, что совсем недавно мир кардинально изменился.

А иногда бывает так, что мы не верим в факт изменения мира. Нам кажется, что он был таким всегда.

Потому что мир удивительно хорош.

– Прекрасный замок, – негромко произнес я, когда старый официант поставил передо мной кофе.

На открытой террасе было так ветрено, что слова улетали прочь, в сторону перевала, и даже я, отнюдь не неженка, с удовольствием завернулся в плед, но посетители знаменитого кафе «Moses Mozart» предпочитали именно террасу, дабы насладиться великолепным видом на огромный замок, занимающий всю вершину соседней горы. Его выстроили в классическом стиле во времена раннего Средневековья, но изрядно переделали в эпоху Возрождения, и архитекторы ухитрились органично дополнить неприступную крепость непривычным для нее изяществом, создав чудесный сплав красоты и силы.

– Замок особенно хорош при безоблачном закате, – улыбнулся в ответ старик, держа в руке блестящий серебряный поднос. – Солнце садится позади, окутывая стены и башни волшебным светом.

– Надеюсь, сегодня закат будет безоблачным? – спросил я.

– Хотите полюбоваться?

– Мне рассказывали об этом действе в самых восторженных тонах.

– Уверяю, вы не будете разочарованы, – пообещал официант. – Но я рекомендовал бы заказать столик. По вечерам у нас людно.

– В первом ряду, – распорядился я.

И спросил, когда начнется закат.

Через пару минут довольный официант ушел, я сделал глоток кофе – он оказался лучше, чем можно было ожидать в столь популярном у туристов заведении, – вернул тончайшую фарфоровую чашечку на столик и оглядел террасу. Время завтрака прошло, до обеда далеко, и на открытой площадке занято всего четыре столика. На правом краю, откуда хорошо просматривается не только замок, но и протекающая далеко внизу река, расположилась романтическая пара: высокий мужчина лет тридцати пяти, с классическим галльским профилем и гривой черных волос, и молодая блондинка, стиль одежды которой нарушал все известные мне парижские законы о нравственности и общественных приличиях. К счастью, мы находились далеко от центра шариатской моды, и красавица могла без опаски выставлять напоказ свои выдающиеся прелести, на радость богатому спутнику и на зависть окружающим. Во всяком случае, две крупные афроитальянки смотрели на блондинку с нескрываемым возмущением, вполголоса обсуждая, что

бы они сделали с красивой девчушкой, оказалась она в их власти. Однако приземистый «Porsche Sovereign» модного в этом сезоне цвета «золотая ваниль», на котором приехала парочка, делал шансы итальянок призрачными. Потому что «Porsche» был украшен малозаметной, но необычайно веской меткой «original». Последний столик занимали Гуффи и Плуты¹, яркие и весьма шумные. Они галдели у балюстрады, обнимались, целовались и позировали дрону: то на фоне замка, то просто так. Официанту отвечали веселым лаем, а в какой-то момент дружно завыли, вызвав у меня улыбку, а у афроитальянок – раздражение. Афроитальянок вообще все бесило, поскольку блондинка никак не реагировала на их намеки и, судя по всему, игнорировала запросы через ar/G².

В конце концов итальянки ушли, громко, без стеснения обсуждая «илюх, лежащих под толстосумов», за ними последовали Гуффи и Плуты, полностью увлеченные друг другом, затем кафе покинула романтическая парочка. Я же просидел на террасе до обеда: в уютном кресле-качалке, закутавшись в плед и любясь замком. На моих коленях лежала книга, в которую я изредка заглядывал, но в первую очередь я отдыхал, дышал горным воздухом и никуда не торо-

---

¹ Гуффи и Плуты – собаки из анимационных произведений The Walt Disney Company.

² ar/G – глобальная мобильная сеть. AR (Augmented Reality) – дополненная реальность.

тился.

Что же касается вечернего шоу, официант не обманул: оно действительно потрясло. Замок был выстроен мастером своего дела, сумевшим расположить здания так, чтобы черепичные крыши домов и башен создавали неповторимый ансамбль с крепостными стенами, над которым горделиво возвышался мощный донжон. И безоблачное небо стало идеальным фоном для картины чарующей красоты: лучи постепенно опускающегося солнца мягко вырезали замок из нашего мира, превращая в олицетворение сказки. Терраса наполнилась восторженными возгласами, кто-то фотографировал, кто-то вел прямой эфир, вокруг летала стая дронов, а я сидел в первом ряду и молча ждал появления драконов. Двух чудесных крылатых красавцев, чей танец должен был стать украшением вечера.

И стал таким.

И я хочу сказать, что ни одно самодеятельное видео, ни один профессиональный фильм из тех, что я видел, не сумели передать поразившую меня симфонию красоты.

Я наблюдал за тем, как взлетевшие со стен драконы устремились вверх, к чистому небу, вытянув шеи и почти слившись в бесконечно быструю ракету; как они закружились в хороводе, спускаясь вниз по широкой спирали; как пролетели над зрителями, продемонстрировав светлую чешую животов и могучие когти на согнутых лапах; как улыбались, зависнув в воздухе напротив террасы, обрамляя замок,

подобно геральдическим щитодержателям.

Затем солнце скрылось за горами, большая часть туристов покинула террасу, остальные приступили к ужину, а я плотнее закутался в плед и задумался над тем, в каком чудесном мире нам довелось жить.

Пусть он и фальшив чуть более, чем полностью.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

data set primus

FERRUM VICTUS³

Франция, Париж ноябрь 2028

И снова осень.

Новая осень в старом Париже.

Снова ноябрь, и небо над головой нежное, как первая любовь, нежно-нежно-голубое, нежное до прозрачности, нежное до того, что щемит душу и не верится, что оно настоящее. Небо светлое, как глаза младенца, и такое же чистое. Не испачкалось в словах и страстях, что поднимаются к нему с площадей и переулков. Небо не может испачкаться, потому что не слушает слова, поднимающиеся с площадей и переулков, ведь оно не обязано. И оно никогда не являлось частью города, ведь небо – это иной мир, не имеющий отношения к застывшим камням. Небо выше, и небо равнодушно, потому что его тянет в такую даль, вообразить которую человек не в состоянии.

Небо всегда стремится прочь.

Небо – это ветер, а ветер – гость. Поэтому небо всегда чужое.

И Орсон не доверял небу, поскольку в его профессии из прозрачной синевы или плотных облаков частенько приле-

---

³ Железо побежденное (*лат.*).

тала смерть: снаряды, ракеты, вертолеты и дроны – все они тащат свое зло по небу, приучая к мысли, что сверху падают лишь неприятности. Орсон привык, Орсон не доверял, однако хорошо запомнил слова Сары: «Самое красивое небо – в ноябре в Париже...» и сейчас, глядя в неестественную нежность голубого, вспомнил именно эту фразу умершей жены:

«Самое красивое небо – в ноябре в Париже...»

Может, Сара так решила, потому что была в городе влюбленных один-единственный раз – в ноябре? И ее слова стали эхом царящего в душе восторга? Потому что никак иначе не могла она выразить радость от путешествия, о котором мечтала всю свою жизнь.

«Самое красивое небо...»

Эти слова не значили для Орсона ничего, поскольку небу он не доверял, но, услышав их, Бен улыбнулся, нежно взял в руки ладони жены, наклонился и подышал на них, потому что пальцы Сары оказались холодными-холодными. Они стояли на набережной Сены, смотрели на Эйфелеву башню, жмурились на яркое солнце, но оно не грело, только светило, а налетающий ветер заставлял ежиться и сожалеть о забытых в гостинице шарфах.

«Мне хорошо, – тихо сказала Сара. – Несмотря на то, что осень».

«Париж красивый, – глупо ответил Орсон. – Всех сюда тянет».

«Мне хорошо, потому что я с тобой, дурачок, – улыбку».

лась Сара. – Париж – это всего лишь город. Он безразличен, как любой другой, и открывает душу только тем, кто приезжает с любовью».

«Как мы с тобой?»

«Да, Бен, как мы с тобой».

И прозвучавшие в осеннем городе слова сделали Орсона счастливым.

– Они едут, – громко произнес Толстый, отставляя коммуникатор. – Зона блокирована.

И вытер со лба пот.

Их было четверо: Толстый, Китаец, Длинный и Мегера. Они прятались в подземном убежище, в выложенной камнем комнате, отчаянно напоминающей склеп, и знали, что им не уйти.

– Может, не будем рисковать? – очень тихо спросил Китаец.

Толстый вновь вытер со лба пот. Длинный дернул плечом, но промолчал.

Мегера же улыбнулась и покинула кресло, в котором сидела до сих пор, держа на коленях раскрытую книгу.

Ей было лет двадцать пять, если и больше, то не намного, и девушка дышала молодостью и силой. И красотой. Она была хорошо сложена: высокая, стройная, но не худая, и вместе

с тем – не набравшая лишних килограммов. Но впечатление об ее фигуре складывалось лишь из того, как Мегера двигалась, поскольку девушка предпочитала свободную мешковатую одежду, принятую среди радикалов outG и «прогрессивной» молодежи. Широкие штаны и кофта прятали фигуру, но не могли скрыть узкое лицо с высокими скулами, чистым лбом и небольшим подбородком. Аккуратный носик, пухлые губы, такие изящные, что казались ненастоящими, большие карие глаза... из Мегеры можно было сделать замечательную куклу, наряженную в дорогое платье и не знающую ничего, кроме вечеринок, но огонь в глазах отчетливо говорил, что девушка сама может сделать куклу из кого угодно.

Куклу вуду.

– Мы сильно рискуем, – протянул Китаец, глядя на Мегеру.

Девушка вновь улыбнулась и откинула упавшую на лицо прядь. Черные волосы она стригла коротко, но оставила длинную непослушную челку, которую любила поправлять привычным жестом.

– Нас могут убить.

– Да... – Мегера остановилась, оглядела друзей, еще раз подтвердила: – Да. – И раскрыла книгу, которую держала в руке. Старую книгу в потертой обложке. Судя по всему, Мегера знала ее содержание наизусть, но ей нравилось гладить пальцами пожелтевшие от времени страницы.

Когда остыл в груди бессмысленный порыв,
Твоя рука легко черту подводит бою;
Когда ушел прилив и отшумел отлив
Страстей, огонь и пыл унесших за собою,
Ты, ты одна ведешь нас к вечному покою,
Движенье волн морских навек остановив.
К иным приходит жизнь в сияющем обличье,
И власть державную дает
Иной судьбе внезапный взлет,
И вся земля дрожит в лихом победном кличе —
Но только смерть дает верховное величье;
Резцом ваятеля она смягчит черты
И одевает все покровом красоты⁴.

Она ни разу не сбилась, ни разу не заглянула в книгу, ее голос оставался абсолютно спокойным, и зачарованные мужчины еще долго молчали после того, как последние слова стихотворения коснулись старых стен комнаты, больше похожей на склеп.

И лишь затем красивая девушка в бесформенной одежде улыбнулась и негромко, но очень уверенно сказала:

– Бояться нечего.

– Полковник! – Голос прозвучал резко и даже грубовато,

---

⁴ Огюст Барбье. Гимн смерти.

но в пределах допустимого. – Полковник!

– Мистер Маккинрой, – отозвался Орсон, не отворачиваясь от окна, за которым проплывал осенний Париж.

– Мне показалось, вы спите.

– С открытыми глазами?

Бен попытался поддеть навязанного отряду офицера, но безуспешно – тот оказался малым не промах.

– Вы не умеете спать с открытыми глазами? – притворно изумился Маккинрой.

Послышались сдержанные смешки: парни Орсона оценили быстрый и острый ответ Эрла.

– Умею, – рассмеялся в ответ Бен. – Но сейчас я задумался.

– Что-то личное?

– Как вы догадались?

– Вы улыбались.

Парни притихли, потому что знали, что последние месяцы полковник улыбался, лишь вспоминая жену.

– Да, – помолчав, признал Орсон. – Я вспоминал... одну старую поездку. Очень приятную.

– Извините, что отвлек, – неожиданно произнес Маккинрой.

– Ничего страшного. Вы что-то хотели?

– Вы не будете против, если я проведу последний инструктаж?

Эрл – если, конечно, это его настоящее имя, – официаль-

но руководил операцией, однако вел себя на удивление деликатно, подчеркивая, что командир он временный и ни в коем случае не покушается на власть Орсона. Откуда Эрл взялся, спецам не сказали, то ли из разведки, то ли из GS⁵, но Бен и его ребята поняли, что Маккинрой – парень опытный, побывал во многих переделках и в тонкостях оперативной работы разбирается не хуже их.

А может, и лучше.

– Конечно, Эрл, – кивнул Орсон.

Микроавтобус приближался к месту назначения, и другой возможности провести инструктаж могло не представиться.

– Спасибо! – Маккинрой переключился на общий канал связи и уверенно произнес: – Джентльмены, напоминаю: наша основная цель – арест хакера, известного в Сети под ником «Мегера». Предположительно мы говорим о женщине, но возможны варианты...

– Сейчас возможны самые разные варианты, – едва слышно проворчал Дакота, и парни захихикали. – Если кто забыл: у нас восемьдесят четыре идентификации сексуального самоопределения, и это не считая еще не признанных.

Орсон думал, что Маккинрой вспылит, но тот прекрасно знал, что в любом отряде обязательно отыщется балагур с индугенцией на ехидные замечания, терпеливо дождался, когда смешки стихнут, и вернулся к инструктажу:

– В убежище, в которое мы войдем, находятся Мегера и

---

⁵ GS (Global Service) – всемирная служба безопасности.

несколько ее ближайших помощников. Состав группы неизвестен, однако я абсолютно точно знаю, что среди них нет бойцов, только умники. Так что будьте вдвойне осторожнее.

Умниками на сленге спецов звали хакеров. Сами по себе они опасности не представляли, порой даже не различали, где у пистолета ствол, а где курок, но с электронными железками обращались превосходно, при удаче могли влезть в чужие линии связи и перехватить управление устройствами военных, а потому опасность представляли немалую. Разумеется, коммуникации спецов были надежно защищены, но накладки случались, и никто не хотел повторения «московской катастрофы», когда ушлый хакер захватил контроль над роботизированным танком и положил восьмерых отличных парней.

– Командование хочет Мегеру живой, – продолжил Эрл. – Членов группы – по возможности. Работаем с этой установкой. Но главное – не дать Мегере уйти, потому что никто не знает, когда ее предадут в следующий раз. Вопросы есть?

– Если не получится взять – валим? – негромко спросил Орсон.

Он знал ответ, но хотел, чтобы ребята получили приказ не от него, а от временного командира.

– Если не получится взять – валим, – спокойно подтвердил Маккинрой. – Неделю назад Мегера проникла в систему Центра стратегического управления, и возникла реальная угроза начала ядерной войны. К счастью, программисты

министерства обороны справились с проблемой и заткнули дыры, через которые влезла Мегера, но, как вы понимаете, отпустить ее мы не имеем права. Центр стратегического управления неприкосновенен – это закон. За всю историю Центр взламывали три раза, и все преступники были пойманы или убиты. Нам велено продолжить традицию. Еще вопросы есть?

– Почему послали нас, а не спецов GS? – спросил Дакота.

– Потому что Центр стратегического управления – это головная боль министерства обороны, сынок, – рассмеялся Эрл. – А именно министерство обороны будет платить тебе пенсию.

– Если он доживет, – уточнил Линкольн.

– Министерство обороны проследит за тем, чтобы он дожил, – парировал Эрл. – Я читал в газетах, что их ругают за потери.

Бен отвернулся, скрывая улыбку.

– А разве армию можно использовать на территории страны? – вдруг спросил Линкольн.

А вот теперь заржали все, причем без всякого стеснения, и даже Маккинрой присоединился к дружному хохоту.

– Что не так? – озадаченно спросил покрасневший Линкольн. – Чего ржете? Я знаю, что у нас секретная миссия...

– Мы в другой стране, сынок, – отсмеявшись, сообщил Маккинрой. – Здесь парням из министерства обороны разрешено стрелять в кого угодно.

– Я видел в аэропорту надпись: «State of France», – вспомнил Линкольн.

– Но это не тоже самое, что State of Virginia, например.

– Почему?

– Потому что в мире много разных стран, и когда-нибудь ты об этом узнаешь, – произнес Маккинрой, утирая выступившую слезу. – Я даже немного завидую тебе, сынок: у тебя впереди столько нового...

Вновь послышался смех, но Орсон перекрыл его громким:

– Приехали, орки, к оружию!

И спецы стряхнули с себя веселье.

Когда-то считалось, что воткнутые в головы чипы станут панацеей от преступности, – собственно, под этим соусом и продавливали их повсеместное внедрение. Умные люди: юристы и ученые, политики и психологи, полицейские и даже «вставшие на путь исправления» уголовники хором доказывали, что электронная система слежения станет непреодолимой преградой для бандитов. Согласитесь, глупо вырывать у проходящей дамы сумочку или влезать в чужое жилище, если вживленный чип постоянно определяется в Сети, хочешь ты этого или нет. Это не видеокamеры, которых всегда не хватает, не глобальная система распознавания лиц, ко-

тору легко обмануть с помощью «обложки»⁶, созданной на продвинутом craft(art)⁷. Каждый чип привязан к DNA⁸ владельца, работает только будучи вставленным в «гнездо», обмануть его невозможно, передать кому-то – нереально.

Твой чип – твой постоянный допуск в ar/G. Твой единственный документ, твоя единственная база данных.

Чип – это ты.

Умные люди добились постоянного подключения к Се-ти почти девяноста процентов населения, причем в крупных городах «балалайки»⁹ стали обязательными, и благодаря им уличная преступность почти исчезла – от замороженные наркоманы, бросающиеся на всех подряд ради дозы, не в счет, а бандам, чтобы сохранить положение и оружие, пришлось превратиться в частные охранные предприятия. Однако уничтожить криминальный мир с помощью поголовного подключения не удалось: стараниями хакеров и радикалов в противовес ar/G возник outG – мир экранированных помещений, районов избирательно заглушенного сигнала и подземелий, до которых не добивали волны опутавшей планету ar/G. Преступники не исчезли, а вернулись туда, откуда вылезли в XX веке, – в темные углы, и теперь представ-

---

⁶ «Обложка» (сленг.) – визуальная мобильная оболочка, видимая в сети ar/G.

⁷ Craft(art) – общее название приложений, позволяющих конструировать мобильные оболочки.

⁸ DNA – ДНК.

⁹ «Балалайка» (сленг.) – общее название вживляемых чипов, возникшее из-за их треугольной формы.

лялись Орсону крысами: опасными и умными хищниками, способными выживать и охотиться в мире, который не сводит с тебя глаз.

Современным крысам кажется, что на нижних уровнях outG они в полной безопасности, но санитары больших городов давно научились вычищать зловонные норы – быстро и эффективно.

По протоколу первыми под землю отправлялись дроны-разведчики, целью которых было создание оперативной карты, вслед за ними летели ретрансляторы: зависая в узловых точках, на перекрестках и в коридорах, они обеспечивали устойчивый и мощный сигнал ar/G. И только после этого приходили дорогостоящие дроны огневой поддержки, оснащенные пулеметами или ракетами, способные отстреливать газовые и светозумовые гранаты, создавать пронзительное ультразвуковое излучение... Существовало огромное количество модификаций боевых беспилотников, и, как показал опыт, при поддержке «железяк» – наземных боевых роботов, они могли зачистить подземелье любого размера. Но за дронами все равно шли спецы – потому что умники из outG могли перехватить управление над любым устройством, а вот парни с пушками им были не по зубам.

Если верить медиа, спецы представляли собой отважных, сильных, красивых, идеально мотивированных патриотов, стоящих на страже Добра. Если же верить тому, что видишь вокруг, то они оказывались простыми ребятами со своими

проблемами и заморочками, хорошо умеющими делать работу. В том числе – грязную.

– Хаббл, это Орк, что у тебя?

– Вперед на сотню футов чисто, – доложил оператор, контролирующий поступающую с дронов информацию. – Движения нет, устройств нет.

– Люди?

– Нет.

– Дакота, веди свою группу параллельным коридором. Сотня футов.

– Принято, Орк.

– Выдвигаемся.

В бою время дорого, иногда – очень дорого, ценою в жизнь, поэтому никаких «господин полковник» или длинных имен – в эфире звучат исключительно позывные, которые члены отряда знают наизусть. Орсон – Орк, еще с академии, теперь он так называет подчиненных, Дакота – потому что из Дакоты, а зоркий оператор – Хаббл, в честь старого орбитального телескопа.

Спецы шли в боевых комплектах седьмого поколения, включающих кирасы из легчайшего пуленепробиваемого дюррилия, усиливающие экзонакладки и fullface-шлемы, на забрала которых выводилась текущая информация. Точнее,

информацию можно транслировать или через забрало, или через установленные на глаза наноэкраны, но бойцы старой школы, к числу которых относилась почти вся команда Орсона, предпочитали оставлять взгляд чистым, а ориентироваться по забралу и командам оператора.

– Орк, впереди глушилка, – сообщил Хаббл. – Она заткнула двух разведчиков. Уровень потери сигнала – сто процентов.

– Нас ждут продвинутые умники, – пробормотал Орсон, жестом останавливая группу. – Эрл, что делать?

Полковник прекрасно знал, что делать, но с удовольствием позволил Маккинрою проявить себя.

– Хаббл, ты можешь удаленно накрыть глушилку?

– Нет, но я отправил дроны РЭБ¹⁰, они будут у вас через четыре минуты и грохнут ее.

– Приказываю перейти в автономный режим, – подумав, распорядился Эрл.

«Правильно, – мысленно одобрил решение временного командира Орк. – Четыре минуты – слишком много, цель может уйти».

– Переходим на радио, парни, дальше работаем по-настоящему.

Дроны, Сеть, связь, интерактивная карта – современность осталась на границе действия глушилки, и теперь результат операции зависел исключительно от опыта и мастерства спе-

---

¹⁰ РЭБ – радиоэлектронная борьба.

ЦОВ.

– Люблю нашу работу, – пробормотал Дакота.

– Нравится рисковать головой?

– В тире стреляют только спортсмены.

– Поменьше кровожадности – Мегера нужна живой, – напомнил Маккинрой.

– Доставим в лучшем виде, – рассмеялся Дакота, но почти сразу оборвал смех. – Железяка!

– Вижу!

Через мгновение подал голос Эрл:

– Железяка!

А Орсон вскинул «зунду» и пустил в появившуюся машину реактивную гранату из подствольника, среагировав и на восклицание Маккинроя, и на движение в коридоре. Пустил гранату и тут же нырнул за угол, уходя от взрыва... От двух взрывов, поскольку выстрел получился удачным: от гранаты сдетонировал боезапас робота, и подземелье изрядно трянуло.

– Орк, ты супер!

– Не тормозить! – рывкнул Бен. Робот громыхнул еще раз – подорвался остававшийся в стволе снаряд, – и затих окончательно. – Вперед, орки, взять их!

Коридор оказался достаточно прочным, не обрушился, не перекрыл дорогу, и спецы помчались к убежищу хакеров.

– Железяка сдохла! – доложил Дакота. – Мы контролируем второй выход и направляемся к вам.

– Им не скрыться! – рассмеялся Эрл.

– Не торопись! – осадил временного командира Орсон, но про себя согласился: хакерам не уйти.

Дотошный Хаббл тщательно изучил подземелье и гарантировал, что выйти из него можно лишь по двум ныне перекрытым коридорам. Хакеры в ловушке, но это обстоятельство смущало Орсона – слишком уж легко они в ней оказались. На инструктаже Мегеру описывали как опытную, умную и очень хитрую преступницу, которая не позволит заблокировать себя в вонючем подвале. Пусть даже и в результате предательства.

– Обе группы стоп. Хаббл, пусти разведчика в автономном режиме, – распорядился Орк. – Хочу посмотреть, что они там делают.

– Сигнал заглушен, – тут же ответил оператор. – Трансляция невозможна.

– Подождем возвращения дрона.

– Нельзя давать им время опомниться! – взревел Маккинрой.

– Лучший хакер планеты позволил себя заблокировать, а защищают его две неполноценные железяки? – попытался воззвать к голосу разума Орк. – Так не бывает.

Однако переубедить почуявшего кровь Эрла оказалось невозможно.

– Мегеру предали.

– Но...

– Обе группы – вперед! Резко, парни, я не шучу!

И временный командир бросился по коридору, показывая временным подчиненным личный пример.

Орсон выругался, однако оспаривать приказ не стал, утешив себя тем, что «герой» бежит первым, а значит, примет на себя все возможные сюрпризы.

И Эрл принял, столкнувшись со стаей миниатюрных дронов-камикадзе, вылетевших из вентиляционного отверстия. В Маккинроя врезалось пять или шесть устройств размером с мизинец, серия взрывов пробилла дюррилиевую защиту и растерзала офицеру грудь. Он умер за несколько секунд до того, как присланные Хабблом дроны РЭБ придавили глушилку хакеров и мощным внешним сигналом заставили взорваться камикадзе.

– Работаем, парни! – рявкнул вернувший себе командование Орк. – Мы одни! Девку брать живой, остальных – как получится. Дакота?!

– Принято!

В следующий миг Бен вынес металлическую дверь выстрелом из «зунды».

Грохот взрыва и грохот рухнувшего стола, в который врезалась выбитая дверь, оглушили засевших в убежище хакеров. А еще их смутили пыль, резкий натиск и взрывы трех светошумовых гранат. Крики боли, крики ужаса, крики недоумения... Привычная музыка, поэтому Орк в нее не вслушивался, зато с удовольствием отметил, что штурм раз-

вивается наилучшим образом: противник полностью деморализован и сопротивления не окажет. Да и кому оказывать? Умники сильны на расстоянии и легко плавают, будучи прижатыми к стенке.

Напуганные...

Слабые...

Около стола корчится на полу китаец – не ранен, но его почему-то тошнит. Рядом сидит на корточках толстяк лет сорока: видимо, бросился на помощь другу, но, увидев спецов, предпочел остановиться, чтобы не попасть под шальную пулю. Он в грязно-серой футболке с едва различимыми буквами NF на левой стороне груди. NetFreedom, организация сетевых террористов, от которой остались лишь воспоминания – спасибо спецам GS. У стены – длинный шкаф с мощным оборудованием, дверцы полураскрыты, возле них растерянно стоит длинный рыжий оболтус в застиранной рубашке, рваных джинсах и низких кедах.

– Кто из вас Мегера?

– Fuck! – с чувством произносит Дакота, и Орсон понимает, что дело плохо: Дакота болтун, но ругается в крайних случаях.

Орсон смотрит налево и повторяет за заместителем:

– Fuck!

Потому что Мегера действительно оказывается женщиной. Девушкой. Довольно молодой, но, судя по взгляду, бешеной. Убежденной и не желающей сдаваться.

Мегера стоит у длинной стены, на равном расстоянии от Орка и Дакоты, и держит в руке пульт. И оба они, и Орк, и Дакота, одновременно понимают, что блефом тут не пахнет. И еще они понимают, почему Мегере до сих пор не взяли: если она и крыса, то королева, не меньше.

А настоящие королевы не сдаются.

– Не подходить! – Она говорит громко, но голос не дрожит, ни одной фальшивой ноты. Она говорит громко и выставляет руку, чтобы оба, и Орк, и Дакота, видели работающий пульт.

– Тебе не уйти, – жестко говорит Бен.

– Только не думай, что сможешь отстрелить мне руку и забрать машинку, – улыбается Мегера. – Я запустила обратный отсчет.

Улыбается так, что Орк понимает, почему ее зовут Мегерой.

– Дакота, назад.

– Уверен? – шепчет заместитель.

– Да.

Толстый тихонько выдыхает и улыбается, у рыжего дрожат руки, китайца продолжает тошнить. Но никто из них не бежит. Не умоляет о пощаде. Они верят своей королеве. Хотя не могут не знать, что оба коридора заблокированы.

– Убирайтесь, – повторяет Мегера.

– Мы не собираемся никого убивать, – пытается увещевать Бен, но не получается.

– Мы не сдадимся. – Голос девушку не предает. Глаза горят фанатичным огнем. – А предателю скажите, что за нас отомстят.

Рыжий приседает и закрывает голову руками. Толстяк опускает глаза и крестится.

– Fuck! – повторяет Дакота и спиной отступает к двери. Остальные парни уже в коридоре.

– Уходим! – рявкает Орк.

Он выскакивает вон и прячется за стенкой, а за спиной грохочет мощный взрыв, превращая помещение в огненный ад.

* * *

Федеральная башня «Бендер» США, Нью-Йорк апрель 2029

Есть такая загадка: необходимо, но неприятно.

Правильных ответов на нее огромное количество, но для Карифы он звучал так: визит к гинекологу. Удовольствия от встреч с интимными докторами Карифа Амин не получала и походы к специалистам воспринимала как неизбежное зло. Причем ее не смущали ни вопросы – она легко говорила о своей сексуальной жизни, ни осмотр – Карифа понимала, что человек делает нужное дело, и доверяла без колебаний. Ее раздражало кресло. С самого первого взгляда. С того дня, когда юная Карифа впервые вошла в кабинет гинеколога, нерв-

но представляя, как окажется перед незнакомым мужчиной с раздвинутыми ногами, увидела кресло, и все ее раздражение, весь страх и стыд, все плохое, что она чувствовала перед первым визитом, – все сосредоточилось на кресле, в котором ей предстояло оказаться.

С тех пор многое изменилось, многое осталось позади, в том числе юность, но неприязнь к гинекологическому креслу и, как следствие, к посещению врача никуда не делась.

А с недавних пор добавилась неприязнь к офтальмологам, но не ко всем, а исключительно к офтальмотехнологам знаменитой «Iris Inc.», монополисту на рынке напыляемых на глаза биотехнологических наноэкранов.

Сначала Карифа думала, что неприязнь вызвана необходимостью регулярных посещений специалиста, но вскоре поняла, что дело в кресле, в которое офтальмотехнологи усаживают пациента перед тем, как закрепить на его лице неприятную маску, фиксирующую веки в раскрытом положении. Кресло требовалось, чтобы человек не поддался инстинктивному желанию защитить глаза – руки посетителя привязывали к подлокотникам широкими ремнями. И лишь после этого к лицу обездвиженного пациента приближалась машина, и глаза оказывались в полной власти специалиста «Iris Inc.».

В представлении Карифы кресло роднило офтальмотехнологов с гинекологами и напоминало орудие пытки.

– Как вы оцените свое зрение? – поинтересовался врач,

изучая пришедший из машины отчет на большом настольном мониторе.

Врач оказался новеньким, последние три года в штаб-квартире GS работала Тесс Курни, но ее повысили, отправили руководить филиалом «Iris Inc.» в Монреале, а в «Бендер» прислали Шлипстера, неприятного, рано облысевшего коротышку, смахивающего на суслика-переростка.

– Вы меня слышите?

«Черт!» Амин задумалась и позабыла ответить.

– Слышу.

– Как вы оцените свое зрение?

– Процентом на восемьдесят, док.

– Компьютер показывает восемьдесят семь.

– Тогда у него и спрашивайте.

Шлипстер вздрогнул, видимо, не привык к подобному отношению, но сдержался, вернулся к монитору и с улыбкой поинтересовался:

– Вы всегда агрессивно настроены, специальный агент Амин? Не нравятся наноэкраны?

– Нравятся, – поразмыслив, ответила Карифа. – Они удобнее smartverre.

Умные очки, которое человечество носило на носу до изобретения «Iris Inc.», и в самом деле нравились девушке меньше наноэкранов – очень уж они были неудобны для энергичной работы специального агента.

– Именно! – Он выдержал паузу. – Но получается, вам не

направляюсь я?

Честно говоря, Карифу так и подмывало согласиться, поскольку низенький офтальмотехнолог ей абсолютно не imponировал, однако благоразумие взяло верх, и откровенничать агент не стала. Во-первых, неизвестно, надолго ли нового врача прислали в «Бендер», и глупо ссориться с тем, к кому придется обращаться за помощью следующие несколько лет; во-вторых, обидевшийся Шлипстер обязательно напишет донос в Отдел этики и равноправия, и придется отмазываться от обвинений в расовой дискриминации и вербальном насилии, за которые можно схлопотать не только временное отстранение, но даже позорное увольнение, если «нюхачам» удастся приплести наследственный шовинизм. Тут даже половина африканской крови не спасет, скажут, что белые гены оказались сильнее, сколько мулатов на этом погорело... И совершенно точно придется таскаться к психиатру, изо всех сил доказывая, что не ощущаешь превосходства над коллегами.

Все эти резоны заставили Амин выбрать наиболее безопасный вариант ухода от ответа.

– Док, вы наверняка читали мой психологический профиль и знаете, что я из тех, кто с недоверием воспринимает новшества, – ровным голосом произнесла Карифа, стараясь вести себя в точном соответствии с правилами толерантности. – Мне было двадцать пять, когда началось массовое внедрение наноэкранов, и я не могу сказать, что окончатель-

но к ним привыкла. Вот и нервничаю на приеме.

– Да, знаю, – вздохнул врач, постукивая пальцами по столешнице. Карифа догадалась, что понравилась офтальмотехнологу и он не прочь за ней приударить, но боится даже намекать на свидание, опасаясь встречных обвинений в домогательствах и попытке склонения к недостойному поведению. – Извините.

– Вы меня извините.

Вот и поговорили.

Что же касается специального агента Амин, она могла понравиться кому угодно.

Карифа была мулаткой, но с примесью восточной крови по линии отца и «коктейлем» национальностей и рас по линии матери. Результатом чудного смешения стала удивляющая своеобразной красотой женщина с прямыми черными волосами и кожей цвета какао с большим количеством молока. Волосы Карифа стригла под короткое, едва прикрывающее шею каре, которое придавало ей неподходящий сотруднику Оперативного отдела дразнящий вид. С другой стороны, Карифа часто работала под прикрытием, и то, что она не походила на сотрудника GS, являлось скорее плюсом. Лицо у девушки было вытянутым, его форма, а также выпуклый лоб и большие карие глаза достались агенту Амин от матери, а слегка приплюснутый нос и полные, чуть вывернутые губы – от отца. Фигура спортивная, как у всех оперативных сотрудников GS, но при этом женственная. Но если кто по глу-

пости принимал агента Амин за слабую барышню, его ожидал большой сюрприз: хватка у нее была железной, а удары – крепкими.

Карифа знала, что производит впечатление на мужчин, не удивилась реакции доктора, но идти навстречу не собиралась, а предложи он свидание – отказала бы.

Впрочем, он не предложил.

– Сейчас перед глазами станет темно – я подключусь к чипу... – Амин вздрогнула, привычно представив, как врач влезает ей в голову. – Пять, четыре, три, два, один... – Резкая, как вспышка, тьма и резкий, как вспышка, свет. – Вот и все.

Карифа вновь обрела зрение, однако теперь картинку покрывала калибровочная сеть.

– Пожалуйста, назовите зоны неуверенного приема изображения, – попросил Шлипстер.

– 1В, 2В, 1С...

– Чуть медленнее, пожалуйста.

– 1С, 1D.

– Все?

– Да.

– Спасибо.

Сетка задрожала, а изображение поплыло – это означало, что офтальмотехнолог приступил к тонкой настройке нано-экрана, поднимая в указанных Амин квадратах качество сигнала, но при этом продолжил разговор:

– Вы были под огнем, специальный агент Амин?

– Это моя работа, док.

– Я имел в виду настоящий огонь: вам приходилось преодолевать открытое пламя без специальной защиты глаз?

– Приходилось, – кивнула девушка, мгновенно припомнив детали последней операции. – Дом, в котором засели террористы, загорелся, и чтобы остаться в живых, мне пришлось пробежать через пару комнат и прыгнуть в окно. Со второго этажа, если вам интересно.

– Почему вы оказались на операции без спецкостюма?

– Вы имеете в виду боевой комплект с fullface-шлемом?

– Да.

– Моя команда работает под прикрытием.

– А-а... Точно, у вас ведь расширенная страховка.

– Верно.

– Я недавно в GS и еще не запомнил все нюансы.

– Ничего страшного, док.

– «Iris Inc.» официально рекомендует защищать нано-экраны от открытого огня, даже простые очки способны стать надежной преградой для...

– В следующий раз возьму вас с собой, – оборвала врача Карифа. – Подадите защитные очки, когда они понадобятся.

– Почему бы не надеть простые?

– Потому что их давно никто не носит.

– Ах, черт... – Калибровочная сеть дернулась, изображение резко сместилось вправо. – Я тоже никак не привыкну,

что очки стали бесполезны.

Весьма полезный эффект наноэкранов: проблемы со зрением остались в прошлом. «Единица» стала стандартом.

– Вы были офтальмологом, – догадалась Карифа.

– И хорошим, – грустно подтвердил Шлипстер. – Извините, что полез с советами.

– Я знаю, как нужно обращаться с глазами от «Iris Inc.», но не всегда могу делать то, что нужно, – вежливо ответила девушка. – Специфика работы, док, которая компенсируется расширенной страховкой.

– Извините.

Врач вновь замолчал и в следующий раз подал голос примерно через пять минут:

– Теперь как?

– Все в порядке, – отозвалась заскучавшая Амин, быстро проверив поврежденные сектора. – Прекрасно.

– Компьютер показывает стопроцентный уровень сигнала.

– Сейчас я с ним, пожалуй, соглашусь.

– Тогда я отключаюсь. Пять, четыре, три...

Затем последовало мгновение темноты, после которого Шлипстер отодвинул аппарат, убрал ремни, помог Карифе подняться с кресла и перейти на кушетку. Помог прилечь, после чего капнул в глаза успокаивающим раствором, снял маску и велел приходить в себя.

– Спасибо.

– Не за что.

Врач вновь замолчал, судя по звукам – занимался своей большой загадочной машиной, а затем стал щелкать по клавиатуре – заносил в базу результаты осмотра, и лишь закончив, поинтересовался:

– Система восстановилась?

– Да.

Нанозэкран был активен и при закрытых глазах: рабочий стол с иконками приложений находился в доступе постоянно, отключаясь лишь распоряжением «Спать». Лежащая на кушетке Амин дождалась перезагрузки чипа, затем бездумно погоняла курсор с помощью вживленной в подушечку указательного пальца «мышки», легким двойным ударом открыла почтовое приложение, убедилась, что работа системы полностью восстановлена, и поднялась с кушетки. Капли подействовали: потревоженные глаза успокоились и вернулись в нормальный, рабочий ритм. Задерживаться в кабинете не имело смысла.

– Еще раз спасибо, док.

– Это моя работа.

– Вы сделали ее очень хорошо.

«Суслик-переросток» справился со своей задачей гораздо лучше болтливой, но не слишком внимательной Тесс.

– И все же... – Он откинулся на спинку кресла. – Агент Амин, мне действительно интересно, почему вам не нравятся нанозэкраны?

– Они... – Карифа помолчала, раздумывая, стоит ли от-

кровенничать с коротышкой, решила: «Почему нет?» и как-то по-детски уточнила: – Смеяться не будете?

– Ни в коем случае, – очень серьезно ответил врач.

И девушка ответила:

– С тех пор как появились наноэкраны, я перестала замечать настоящие взгляды.

– Что вы вкладываете в понятие «настоящие»? – не понял офтальмотехнолог.

– Нынешние слегка туманны, размыты, будто собеседник смотрит не на тебя, а внутрь себя, – ответила Карифа. – Полагаю, таков эффект экрана.

– В действительности нанопокрывтие никак не проявляется внешне – для этого оно слишком тонкое, – не согласился Шлипстер. – Тончайшее.

– Мы оба знаем, что я имела в виду, – улыбнулась девушка. – Эффект экрана в том, что люди смотрят в него, а не на мир.

– В него и на мир, – уточнил врач.

– Он встал между миром и человеком.

– Да вы философ, агент Амин, – протянул удивленный Шлипстер. – Не ожидал, признаться... не ожидал.

– Мне часто приходится устраивать сюрпризы, док, это часть моей работы.

– Вы в этом поднаторели... – Было видно, что бывший офтальмолог хочет оставить последнее слово за собой и старательно подыскивает аргументы. – Теперь наноэкраны ста-

ли нормой, они есть почти у всех жителей Земли, поэтому нынешние взгляды и есть настоящие, агент Амин. Других не будет.

– Не согласна, – качнула головой Карифа. – Они превратятся в настоящие тогда, когда люди станут рождаться с наноэкранами на глазах.

Сказала и поняла, что задела «суслика» за живое. Он поднял брови, словно услышал нечто такое, чего никак не мог произнести специальный агент GS, помолчал, так же, как и Карифа несколько секунд назад, обдумывая, стоит ли откровенничать, решил, что стоит, и сообщил:

– Возможно, будут рождаться, агент Амин, – после чего еще больше понизил голос. – То, что я сейчас расскажу, не скрывается, но и не афишируется: в «Iris Inc.» целое подразделение работает над этой проблемой.

– Зачем? – поинтересовалась обескураженная девушка. – Какой в этом смысл?

– Мистер Паркер считает, что наноэкраны должны стать частью человека будущего, – объяснил Шлипстер. – Разве это не естественно?

С ответом Карифа не нашлась.

* * *

Форт Кэмпбелл США, Кентукки апрель, 2029

До прошлого, 2028 года полковник Сил специального на-

значения Бенджамин Орсон не задумывался над своей отставкой: ни над тем, что она когда-нибудь случится, ни над тем, как он ее встретит и что будет делать дальше. Понимая, что рано или поздно погоны придется снять, Орк признавался себе, что плевать хотел на то, как пройдет процедура, и был уверен в одном: после положенных чествований, прослушав правильные речи и аплодисменты, он обязательно отправится с друзьями и бывшими подчиненными в ближайший бар, как следует напьется и на следующий день проснется с больной головой.

Никому не нужным.

Орсон понимал, что так будет... Точнее, он знал, что будет именно так, но до прошлого года над своей отставкой не задумывался, поскольку планировал служить еще пару десятков лет. Однако 2028 год врезал по нему, как мул копытом. И не только по нему: 2028 врезал по всей цивилизации.

Удар получился не смертельным, но чудовищно сильным: 22 января 2028 года крупный метеорит стер с лица земли русский город Воронеж.

Столкновение не изменило климат, не вызвало грандиозных пылевых облаков, о которых предупреждали ученые, не столкнуло планету с орбиты. Зато убило огромное количество людей, вызвало землетрясение, и ударная волна семь раз обошла вокруг Земли. Человечество впервые столкнулось с настоящей космической катастрофой, и в те дни журналисты и блогеры много говорили о том, что Воронежский

метеорит изменил жизнь всего мира.

Однако в те дни никто и не подозревал, как сильно метеорит изменил жизнь мира.

Во время удара и вызванных им техногенных аварий погибли около миллиона человек, однако настоящая катастрофа разразилась чуть позже, когда выяснилось, что Воронежский метеорит принес на Землю suMpa, неизвестный доселе вирус, который с ужасающей стремительностью распространялся по планете, заражая всех, от младенцев до стариков, но при этом никак себя не проявляя. До сорока двух лет. Да и после сорока двух можно было остаться нормальным и прожить долгую жизнь. А можно было «взорваться» под действием suMpa и превратиться в одержимого жаждой убийств сумасшедшего. Человек, достигший возраста сорока двух лет, становился бомбой с часовым механизмом, и чтобы это показать, в ag/G над его головой появлялись красные цифры с реальным возрастом: «42» или больше.

Именно благодаря suMpa в армейской бюрократии родилось хитрое юридическое понятие «положительная досрочная отставка», означающее, что тебя не выгоняют со службы, а прекращают сотрудничество из лучших побуждений. Потому что ты официально признан непредсказуемым и никто не хочет с тобой служить: старые друзья отводят взгляды, подчиненные пишут рапорты о переводе в другие подразделения, а в сети ag/G над твоей головой появляются несмыслимые красные цифры.

Красные цифры означают, что ты теперь олдбаг¹¹ и обязан довольствоваться «положительной досрочной отставкой» и нищенской усеченной пенсией.

Добро пожаловать в эпоху suMpa.

Которая будет продолжаться до тех пор, пока ученые не справятся с вирусом.

– Полковник.

– Генерал, – Бенджамин вытянулся и щелкнул каблуками.

– Проходи.

– Спасибо, сэр.

Орсон закрыл за собой дверь и подошел к столу.

– Присаживайся.

– Спасибо, сэр.

– И перестань называть меня сэр, – вздохнул старший офицер, над головой которого краснели цифры «59». – Мы одни.

Орсон кивнул и улыбнулся.

Генерал Стюарт был сух, невысок и на его фоне плечистый Бенджамин выглядел настоящим гигантом, хотя в действительности выдающимися размерами не отличался. И да-

---

¹¹ Олдбаг – от oldbug, сленговое выражение, появившееся после Воронежского метеорита и обозначающее всех людей в возрасте suMpa, то есть от сорока двух лет и старше.

же мужественной внешностью похвастаться не мог: русоволосый и круглолицый полковник походил на слегка располневшего спортсмена, которому до окончательной потери формы осталось не более трех пивных вечеринок. Бенджамин казался добродушным, совершенно неопасным увальнем, но под мягкой оболочкой прятался стальной каркас, который позволил Орсону стать одним из лучших офицеров сил Специального назначения.

– Орк, мы часто встречались в этом кабинете, но я впервые не знаю, что сказать, – произнес генерал, глядя Бенджамину в глаза. – Мне жаль. Ты даже не представляешь, как мне жаль. Я понимаю, что мир необратимо изменился, но до сих пор этого не принял. Не могу принять, потому что теряю лучших офицеров... Это не лесть и не лицемерие: ты и твои ровесники действительно лучшие. Вы опытные. Вы умелые. Вы должны натаскивать молодых и готовиться сменить меня в этом пыльном кресле, а вместо этого огребаете усеченную пенсию и пинок, мать его, под зад.

– Мир изменился, – повторил слова генерала Орсон. – Мы ничего не можем поделать.

– И это настоящее безумие.

– Безумие в том, что мир изменился?

– Безумие в том, что мы, такие крутые, вынуждены признавать собственное бессилие.

Стюарта это все еще задевало, Бенджамин – нет, привык. Смирился.

Они оба понимали, что Орк смирился, но не собирались произносить это вслух. Да и какая разница, в конце концов? Смирился ты или нет, ты ни черта не можешь поделать с тем дерьмом, в котором вымазал планету Воронежский метеорит.

– Если WHO¹² не отыщет вакцину, мы с тобой увидим новый, абсолютно не похожий на привычный нам мир.

– Надеюсь, отыщут, – коротко отозвался Орсон.

– Я тоже надеюсь, – кивнул Стюарт.

Еще несколько месяцев назад кабинет украшала коллекция настоящих, в рабочем состоянии «кольтов»: «Патерсон», «Уокер», «Драгун», «Миротворец» и «1911», бывших предметом гордости генерала, объектом его любви и заботы. Теперь они исчезли, «отправлены на хранение», как того требовал протокол Каплан, разработанный одним из самых известных психиатров мира и регламентирующий прохождение службы после сорока двух лет. Военные и политики прекрасно понимали, что армия не в состоянии отказаться от опытейших старших офицеров, во всяком случае, в ближайшее время, и выработали особые правила их пребывания на службе. Орсон категорически отказался подписывать унижительный протокол, а вот Стюарт уйти не смог. И до сих пор не оставил надежду удержать своего лучшего офицера.

– Я был уверен, что ты согласишься на штабную должность.

---

¹² WHO – ВОЗ, Всемирная организация здравоохранения.

– Не люблю чувствовать ствол у затылка, – спокойно ответил Бен, намекая на то, что протокол Каплан ставил во главу угла абсолютное недоверие к тем, кто решился его соблюдать.

– Думаешь, на гражданке будет иначе?

– Думаю, да.

– Не ври себе, – поморщился генерал. – После сорока двух все под прицелом: и военные, и штатские. Тебя будут сторониться. И тебя будут опасаться.

– Я потерплю.

– Посмотрим, как долго ты продержишься.

– К чему наш разговор? – поднял брови Бенджамин.

– К тому, что я могу все изменить, – твердо ответил Стюарт.

– Зачем?

– Затем, что армия – единственная семья, которая у тебя осталась, Орк, тебе нечего делать за воротами базы.

Фраза прозвучала жестко, даже жестоко, если вспомнить историю Бена, но не покорила его, потому что была правдой: никого больше у Орка не осталось. И Стюарт в роли приемного отца был далеко не самым плохим вариантом... Но соглашаться на него полковник не хотел.

– Придумаю что-нибудь, – ответил он. – Пришло время измениться.

– Здесь твоя жизнь.

– Была.

– Верно, была, – не стал спорить генерал. – Но там, за воротами, ее никогда не было. Ты не знаешь той жизни, ты не найдешь себя в ней, и поэтому я прошу тебя еще раз: подумай.

– Я все-таки рискну, – тихо ответил Орсон, понимая, что настойчивость старика вызвана исключительно заботой. – Я долго думал, что делать, принял решение и не собираюсь отступать.

– Ты всегда был твердым, – улыбнулся Стюарт.

– Спасибо.

– А я всегда был упорным.

– Знаю...

Генерал поднял руку, призывая Бенджамина к тишине, и продолжил:

– Поэтому я договорился с нашими бюрократами и выбил для тебя месяц на размышление. Ты выходишь в отставку, Орк, но в твоём личном деле значит, что ты имеешь право на подписание протокола Каплан в течение следующих четырех недель. Если ты воспользуешься этим правом, четыре недели будут считаться оплачиваемым отпуском, после которого ты спокойно продолжишь службу.

Это было щедро, даже грандиозно щедро, учитывая тот бедлам, который творился в армии после появления suMpa. Бен понимал, что генерал надавил на все рычаги, на которые мог, и даже слегка устыдился тому, что не может принять предложение. Во всяком случае – сейчас. Он действи-

тельно хотел что-то поменять и готов был рискнуть, погрузиться в неведомую жизнь гражданского лица. А что будет дальше... Впрочем, четырех недель вполне достаточно, чтобы разобраться, нравится ему быть «досрочным пенсионером» или нужно вернуться домой и подписать проклятую бумажку.

– Вы так сильно хотите меня оставить?

– Я хочу сохранить армию, – жестко ответил Стюарт. – А ты – одна из опор, на которых она держится. Ты мне нужен, Орк, поэтому я дам тебе время на размышление.

– Спасибо.

– Вот и хорошо, – улыбнулся генерал. – Тогда давай разберемся с нынешними документами, ведь независимо от того, примешь ты мое предложение или нет, с действующей службы ты уходишь.

Поскольку военные, подписавшие протокол Каплан, становились советниками без права ношения оружия.

Стюарт вытащил на монитор личное дело Орсона и рассмеялся:

– Смотри, каким забавным ты был после академии.

Бен внимательно посмотрел на старое фото и хмыкнул:

– С тех пор многое изменилось.

– Меньше, чем тебе кажется.

– Не уверен.

– Если не уверен – просто слушай то, что я говорю.

И в этом был весь Стюарт.

А в следующий миг его тон внезапно стал официальным:

– Полковник Орсон, имею честь официально сообщить вам о выходе в положительную досрочную отставку с назначением положенной пенсии. Пожалуйста, приложите к сканеру большой палец правой руки. – Орк подчинился. – Затем нужно проверить сетчатку... поставить подпись... – Бенджамин проделал обе операции. – ...и теперь вы официально стали гражданским лицом.

– Довольно быстро, – прокомментировал Орсон.

– А смысл затягивать? – ответил Стюарт, заканчивая бюрократические формальности. В последнее время ему приходилось часто увольнять офицеров, поэтому он ставил нужные отметки почти машинально. – Я могу внести в документы любые изменения, но ты всегда останешься военным, Орк, что бы с тобой ни случилось.

– Я знаю.

– И я надеюсь, что ты примешь мое предложение.

Возвращаться к этой теме Бен не хотел и попытался перевести разговор в другое русло:

– Сегодня будет мероприятие, я проставляю парням...

– Я не смогу быть в баре, Орк, повеселитесь без меня.

– Я знал, что вы откажете, – улыбнулся Бенджамин. – Поэтому принес небольшой подарок.

Он наклонился, достал из сумки бутылку виски в деревянном футляре и выставил перед генералом.

– «Ledaig» восемнадцати лет? – прищурился Стюарт. –

Неплохо, Орк, весьма неплохо.

– Ровно столько я служил под вашим началом, сэр.

Сейчас генерал его не поправил, потому что здесь слово «сэр» должно было прозвучать.

– Открой.

Орсон послушно распечатал бутылку, сходил к бару за стаканами и наполнил их на два пальца каждый.

– За тебя, Орк, – произнес генерал, глядя ему в глаза. – Тебе многое пришлось пережить, и я рад, что ты не сломался.

– Во многом благодаря вам, сэр.

– Сейчас это не важно, потому что во время испытаний мы, друзья, можем только помочь, но не можем тянуть груз за тебя, – Стюарт помолчал. – А ты свой груз вытянул.

– Да, – Бен сделал маленький глоток. – Вытянул...

– И еще я хочу сказать то, о чем никогда не писал в твоём личном деле и ни с кем не обсуждал: ты умен и свободолюбив, ты слишком умен и свободолюбив. Эти восемнадцать лет ты подчинялся не потому, что так требует Устав, а потому что уважал меня. И верил мне. Я тебя не подводил, и только поэтому ты ни разу не проявил свой норов и не оказался под трибуналом за бунт и неподчинение. Но там, на воле, ты будешь сам себе хозяин, и я не знаю, Орк, куда приведут тебя страсти. Возможно, в бездну.

– Я постараюсь не потерять голову, – тихо произнес Бен.

– Надеюсь, – в тон ему ответил Стюарт.

– Вы мне не верите?

– Я слишком хорошо тебя знаю...

– Вы мне не верите?

– ...и поэтому хочу, чтобы ты вернулся. Здесь за тобой приглядывают и направляют твою ярость в нужное русло.

– Я должен был стать генералом, – вдруг сказал Орк. –
Года через четыре.

– Ты должен был сменить меня, – подтвердил Стюарт.

– Поэтому я не вернусь.

Некоторое время они молчали, обдумывая и переживая прозвучавшие слова, после чего генерал вздохнул и подвел итог:

– У тебя есть время все обдумать, Орк. А пока налей нам еще по стаканчику и давай вспомним что-нибудь хорошее.

* * *

США, Редвуд-Сити апрель 2029

Масштабные презентации ведущих компаний Силиконовой долины традиционно собирали огромное количество зрителей, и хотя подавляющее большинство из них наблюдали за происходящим удаленно, подключившись к прямой трансляции на корпоративном сайте или через новостные каналы, которые сопровождали картинку своими комментариями, иногда ехидными, живых людей шоу собирали изрядно. Фанаты и безумные изобретатели, карьеристы и мо-

шенники, настоящие специалисты и сетевые «аналитики», журналисты, обозреватели, пиарщики, маркетологи – они слетались на большие презентации, как мухи на мед. Однако настоящую истерию вызывали шоу корпораций, нацеленных на работу с конечными пользователями: конкурирующие производители «балалаек» и другого «железа» для головы, разработчики приложений и социальных сетей собирали гигантский трафик и огромные залы, а вот АТQ, безусловный мировой лидер в создании имплантов и протезов, разослал приглашения всего трем сотням гостей и отказался от трансляции. Впрочем, желающих посетить презентацию было в десять раз больше, но боссы АТQ предпочитали хвастаться только перед действительно важными людьми: министрами, генералами, владельцами крупнейших больниц и медицинских сетей и, разумеется, перед теми стратегическими инвесторами, чьи финансовые интересы были связаны со здоровьем.

Вереница лимузинов у главного крыльца, частные вертолеты, приземляющиеся каждые четыре минуты и взлетающие, едва высадив очень важных пассажиров, чтобы не создавать в воздушном пространстве банальную пробку, дамы в коктейльных платьях – так требовал стиль планирующейся вечеринки, кавалеры в смокингах... Разумеется, никаких «обложек»: в этом кругу не было принято прятать себя под продукцией дешевых приложений. И никаких репортеров: для новостей и обзорных программ пресс-служба АТQ под-

готовила замечательный релиз, собственно же действие их не касалось.

По традиции, на сцене солировал генеральный директор – Чарли Скотт, облаченный, опять же по традиции, в демократичные потертые джинсы, кеды и водолазку. Дресс-код ведущих не менялся двадцать с лишним лет и сформировал в массовом сознании образ успешного ученого, точно так же, как в начале XX века обязательными аксессуарами для них считались пенсне, академическая борода клинышком и портфель. Начал Скотт с «простых» новостей, разогрел публику модернизированным протезом стопы, идеально копирующим ее сложнейшее устройство, затем показал давно обещанный «вечный» коленный сустав, чем вызвал экстаз у сплоченной группы военных с правой стороны партера и сдержанное неудовольствие у промышленников, и лишь затем перешел к главной «бомбе» вечера: комплексному протезу нижнего отдела позвоночника и ног, оставляющему в прошлом проблему паралича.

Для начала Скотт рассказал трагическую историю двадцатилетнего юноши, лишившегося таза в результате страшной железнодорожной аварии, очень подробно описал диагноз, не забыв продемонстрировать рентгеновские снимки, подтверждающие, что кости несчастного превратились в кашу, а затем вызвал парня на сцену и сорвал овации.

Заслуженные овации, однако один из гостей отнесся к происходящему с неуместной иронией.

– Чарли все больше становится похожим на бродячего проповедника, излечивающего страждущих словом Божиим, – рассмеялся сидящий в отдельной ложе А2.

– Словом Божиим и наукой человеческой, – уточнил Филип Паркер, великий CEO «Iris Inc.». – Чарли и в самом деле увлечен.

– Он с детства тащился от скелетов. – А2 сделал маленький глоток шампанского, брезгливо посмотрел на бокал и поморщился: – Кто-нибудь знает, виски этот старый скряга припас или придется послать гонца в ближайший бар?

– Чарли распорядился подавать во время презентации исключительно шампанское, – подал голос третий находящийся в ложе мужчина – Арнольд Митчелл, директор всесильной GS.

– Боялся, что мы напьемся со скуки?

– Наверное... – Митчелл выдержал коротенькую паузу и улыбнулся: – Не думал увидеть тебя здесь, А2, насколько я знаю, область твоих интересов лежит далеко от протезов.

И услышал спокойный ответ:

– Меня интересуют передовые технологии, Арнольд, не важно, в какой области. Кто-то ведь должен объединять разрозненные достижения в единую систему.

– В смысле? – не понял Митчелл.

– В прямом... – Поскольку Скотт перешел к техническим подробностям, которые можно было изучить позже, А2 сделал еще глоток шампанского, поставил бокал на стол и при-

нялся сворачивать самокрутку с настоящим табаком. Паркер ухмыльнулся из соседнего кресла, а Митчелл привычно сделал вид, что не заметил дерзкого нарушения федерального законодательства. – Все началось в Древней Греции, когда эллинам досталось удивительно богатое египетское наследство. Они его изрядно приумножили и развили, они вообще были большими молодцами и первыми задумались над тем, на кой ляд все это нужно.

– Что нужно?

– Все, – А2 небрежно повел рукой, после чего затыкнулся и выдохнул дым на Паркера. Тот отвернулся, но промолчал. – Эллинам задумались над тем, за каким хреном нужно поклоняться богам, строить храмы и чудеса света, торговать оловом и рабами, плодить детей... В общем, делать все, что мы с вами, друзья, делаем до сих пор.

– Задумались о смысле жизни, – пояснил Филип Митчеллу. CEO «Iris Inc.» был старым другом А2 и слышал эти рассуждения не в первый раз.

– Греки поставили перед собой ряд неудобных вопросов и, чтобы отыскать ответы, придумали науку наук – философию. Науку мудрецов и мыслителей. Философия должна была связать все направления в единую сеть, выражаясь современным языком, заставить их обогащать друг друга, а главное – должна была определять направление движения общества. И какое-то время философия работала так, как задумывалось.

– Видимо, потому что система была маленькой? – предположил Митчелл, чем вызвал одобрительный взгляд А2.

– Спасибо за замечание, Арнольд, оно показало, что ты меня слушаешь.

– Естественно, я тебя слушаю.

– Иногда ты делаешь вид.

– Тебя я слушаю всегда.

– В любом случае, мне приятно, Арнольд, – не стал скрывать А2. Однако он так хорошо управлял своими эмоциями, что никто не мог догадаться, когда А2 лжет, а когда искренен. – В чем-то ты прав: наука эллинов не отличалась гигантскими размерами, благодаря чему философы и справлялись со своими обязанностями, но по мере усложнения системы оставалось все меньше людей, способных понять и обдумать достижения разных наук, а главное – связать их между собой. Философы погрузились в дебри абстрактных рассуждений, занялись исключительно социумом, по глупости решив, что исследование общества настолько просто, что поддается их замусоренным мозгам, и в итоге мы имеем сборище кривляющихся политехнологов, которые называют друг друга умниками и не способны делать то, ради чего эллины придумали науку наук. И мне противно видеть на их визитках надпись «философ», твою мать.

– И ты решил взвалить на себя их ношу?

– Он взвалил на себя их ношу, – пробурчал Паркер, довольный тем, что его друг наконец-то докурил, бросил само-

крутку в бокал с шампанским и перестал выдыхать в его сторону дым. Пусть и ароматный.

– А кто еще, Арнольд? – рассмеялся А2. – Ты знаешь среди наших современников кого-нибудь, кто не только способен решить эту задачу, но хотя бы в состоянии поставить ее перед собой?

– Нет, – поразмыслив, ответил Митчелл. – Только у тебя хватит на это безумия.

– Вот именно.

– Я тебе не льщу.

– Знаю.

Александр Адам Феллер, которого за глаза все называли А2, а в лицо – только избранные друзья, предпочитал свободную одежду, но в отличие от Скотта, который влезал в джинсы и водолазку лишь для выступлений и фотосессий, не выглядел в ней скованным, носил с изяществом человека, способного с легкостью поменять джинсы на классический костюм. На презентацию А2 заявился в черных кроссовках, черных брюках-карго и черной футболке с короткими рукавами, выставив напоказ многочисленные татуировки на мускулистых руках. По-настоящему мускулистых: А2 был крепким не только на вид, сложением и повадками походил на быстрого и опасного боксера среднего веса. Темные волосы стриг не по моде – коротко, и короткой же оставлял бороду, причем именно бороду, а не неопрятную удлиненную щетину, вошедшую в моду у мажоров и их подражателей.

Темные глаза Феллера смотрели живо и внимательно, выдавая глубокий, цепкий ум, которым должен обладать человек, входящий в крайне ограниченный, на двести человек, не более, клуб стратегических инвесторов – людей, семьи которых контролировали экономику планеты. Несмотря на относительную молодость – он еще не разменял пятьдесят, – А2 был патриархом клана Феллеров и лично руководил грандиозной «Iris Inc.», которую сам придумал и создал, превратив разработчика прорывной технологии наноз экранов в компанию № 1.

– Если ты считаешь себя представителем классического, изначального направления философии, то почему занялся зрением, а не создал объединяющий стартап? – с искренним интересом осведомился Митчелл.

– Потому что зрение и есть объединяющий стартап, – серьезно ответил А2. – Что бы мы ни придумали, что бы ни разработали – все будет упираться в зрение, в то, чтобы наше изобретение увидели. Ты ведь знаешь, Арнольд, что мозг тратит на обработку визуальной информации большую часть мощности, мы познаем мир глазами, наша жизнь – это то, что мы видим, то есть – зрение... – Феллер выдержал короткую паузу: – Оно и есть объединяющий стартап.

– Так просто?

– А зачем усложнять? – пожал плечами Паркер.

Ответить директор GS не успел – А2 вновь вернул себе слово.

– Человеку можно рассказать о чем угодно, но поверит он только после того, как увидит собственными глазами. Поэтому наши предки были вынуждены строить грандиозные, опережающие время храмы, поэтому поднимали к небу Notre Dame de Paris в то время, когда подавляющее большинство населения ютилось в жалких лачугах, а то и вовсе в ямах, наскоро прикрытых досками: глядя на невероятный собор, необразованные бедняки понимали, что Бог есть. И слушали тех, кто нес Его слово.

– Сейчас бедняки не удивляются даже километровым небоскрегам, – заметил Митчелл.

– Потому что сейчас мы не ставим перед собой задачу удивлять их строительными проектами, – махнул рукой А2. – Потребуется – сделаем. Сейчас же мы изо всех сил убеждаем людей, что они резко отличаются от полудиких предков, но достаточно посмотреть, что они ищут в Сети, на что тратят время и с каким вниманием выслушивают «медицинские» советы полуграмотных блогеров, становится понятно, что обезьяна, некогда сообразившая взяться за палку, гораздо креативнее подавляющего большинства наших современников.

– Не все должны быть креативными, – заметил Паркер.

– Не все должны быть креативными во всем сразу – это удел гениев, – парировал А2. – Остальные должны выбрать свою стезю и развиваться.

– Они стараются, – подал голос Митчелл.

– Не лги себе и мне, Арнольд. У большинства из них стезя – это развлечения, на которые приходится зарабатывать.

– Результат последовательной работы, – обронил Филип. На этот раз не успел ответить Феллер.

– Мне, признаться, интересны ваши рассуждения, но я до сих пор не понял, почему ты сосредоточился именно на зрении? – произнес Митчелл.

Несколько секунд в ложе царила тишина, при этом А2 разглядывал директора GS с таким видом, будто силился понять, как такой идиот сумел добраться до столь высокого поста, но поскольку Феллер периодически позволял себе подобные выходки, Митчелл в очередной раз не обратил внимания на выражение его лица.

– Арнольд, скажи, чем мы, по-твоему, занимаемся? – примерно через минуту поинтересовался А2.

– Экономикой, – твердо ответил директор GS.

– Это в прошлом, – махнул рукой Феллер. – Клань стратегических инвесторов накопили такое богатство, что оно потеряло всякий смысл. Нас невозможно разорить и у нас невозможно ничего отобрать, потому что именно мы финансируем армии и спецслужбы, то есть тех, кто мог бы у нас отобрать, включая политиков.

– Экологией? – поразмыслив предположил Митчелл.

– Это в будущем, – махнул рукой Феллер.

– Почему в будущем? Насколько я знаю, у нас назревают серьезные экологические проблемы.

– Проблема не в том, что некоторые территории слишком загрязнены, а в том, почему они загрязнены, – объяснил А2. – Нам нужно реформатировать общество, а для этого необходима абсолютно эффективная система управления, исключая развитие неконтролируемых процессов... Ты следишь за моей мыслью?

– Да. – Митчелл увидел поднятые брови Феллера и добавил: – Стараюсь.

– Мы стоим на пороге перемен, которых требует логика развития общества. Предыдущая версия цивилизации выполнила свое главное предназначение: сформировала элиту, которая взяла под контроль богатство и опыт человечества. Дело за малым: пойти дальше.

– И повести за собой стадо, – буркнул Паркер, допивая шампанское. В отличие от друга, Филип плохо переносил крепкий алкоголь, отдавая предпочтение винам.

– А для стада я предлагаю идеальный, вызывающий полное доверие поводок, – закончил А2. – В основе которого лежит воздействие на зрение.

– И тебе повезло встретить Паркера...

– Я искал Филипа, так как знал, что именно мне потребуется, – оборвал Митчелла Феллер. – Я понял это в тот момент, когда начались первые игры с дополненной реальностью.

– То есть ты предвидел?

– Видишь, какой я умный, Арнольд, – неожиданно рас-

смеялся А2. – А с такими умниками лучше дружить, чем связываться.

Фраза прозвучала намеком, но Митчелл предпочел сделать вид, что не понял его. Впрочем, Феллер не настаивал.

– Зрение имеет определяющее влияние на нашу жизнь, – неожиданно подал голос скромный Филип. И кивнул на сцену: – Рано или поздно Скотт обязательно создаст полноценный искусственный скелет, в который можно будет помещать нервную систему человека, а мы дадим ему глаза, и с этого начнется массовое производство искусственных людей.

– Ты этого хочешь? – изумился Митчелл.

– Андроиды пригодятся в разных областях, в том числе – в GS.

– Могут пригодиться, – поразмыслив, кивнул директор Службы.

– А еще мы научимся питать нервную систему какой-нибудь смесью, изобретенной... ну допустим, в «Clisanto», – поддержал друга Феллер. – Получим полноценного робота и запустим его на Луну, Марс и далее по списку, здорово сэкономив на системах жизнеобеспечения.

– Зачем связываться с человеческой нервной системой? – быстро спросил Митчелл. – Почему не использовать ИИ? Ты ведь финансировал его разработку.

– Финансировал, – не стал отрицать Феллер.

– И?

– Получил действующий образец.

– И? – заинтересовался директор GS.

– Он оказался глупее меня. Пришлось стереть.

Паркер хмыкнул, но комментировать ответ А2 не стал. Митчелл некоторое время обдумывал услышанное, после чего прищурился и улыбнулся:

– А что будет, если появится ИИ умнее тебя?

– Зачем такой нужен? – хладнокровно осведомился Феллер.

– Логично, – кивнул Митчелл.

– Пойду в холл, – сказал Паркер, поднимаясь. – Начинается светская часть, нужно поздравить Чарльза с отличным шоу.

Презентация закончилась, и гости стали покидать зал.

– Я скоро присоединюсь, – лениво протянул А2. А когда дверь за Филипом закрылась, негромко спросил: – Она здесь?

– Да, – подтвердил директор GS.

– Удивлена?

– Разумеется. Догадывается, что ее ожидает серьезный разговор, но пока не знает о чем.

– Это хорошо.

– Почему?

– Неожиданные предложения вызывают естественную реакцию, – объяснил Феллер. – Искреннюю. Мы увидим, что она думает на самом деле.

– Но не получим ответ.

– Возможно, он не понадобится.

– Тебе виднее, – пожал плечами директор GS.

– Вызови ее, – распорядился А2. – А заодно прикажи сменить бутылку шампанского и подать свежую икру.

– Конечно.

Арнольд Митчелл возглавлял самую мощную специальную службу мира, имеющую право вести расследования почти во всех странах, в его подчинении находились десятки тысяч вооруженных людей, но он не мог отказать А2 в «мелкой» просьбе, и эта «мелочь» отчетливо демонстрировала разделяющую мужчин пропасть. «Orchid» – инвестиционный фонд клана Феллеров – контролировал примерно пять процентов мировой экономики, и это положение не изменится, что бы ни случилось. А потерять высочайшую должность директора GS легко. Достаточно крепко поссориться с кем-нибудь из стратегических инвесторов.

В результате требования А2 были исполнены через две минуты, а еще через тридцать секунд раздался тихий, но не робкий стук в дверь.

– Мы ждем вас, агент Амин, – громко произнес Митчелл, и в ложу вошла спортивного сложения мулатка в элегантном платье. Мягкая ткань идеально подчеркивала замечательные формы молодой женщины, но чувствовалось, что Карифе в платье не слишком комфортно. Примерно так же, как Чарли Скотту в джинсах и водолазке.

– Директор Митчелл, – поприветствовала Арнольда Ка-

рифа.

– Прошу, агент, располагайтесь.

Девушка закрыла за собой дверь, поколебалась, но все-таки уселась в указанное кресло.

– Позвольте вам представить Александра Адама Феллера, владельца компании «Iris Inc.»...

– Называйте меня А2, Карифа, – мягко перебил директора Феллер. – Вы ведь позволите называть вас по имени?

– Да.

– Очень хорошо. – Красивая мулатка явно понравилась Александру. Он поднялся с кресла, наполнил девушке бокал и лишь затем осведомился: – Выпьете?

– Нет, спасибо.

– Не пьете?

– Не во время серьезного разговора.

– Бойтесь потерять над собой контроль после одного-единственного бокала?

– Контроль заключается еще и в том, чтобы следовать принятым решениям.

– Вы всегда следуете принятым решениям?

– Да, – быстро ответила Амин и тут же добавила: – Если не изменится приказ.

– То есть вас контролирует начальство?

– Я давала присягу.

– Очень хорошо, Карифа, но от шампанского не отказывайтесь, оно прекрасно оттеняет вкус черной икры. Прошу

вас.

Амин выдержала коротенькую паузу и взяла бокал. А2 с удовлетворением отметил, что на Митчелла девушка не посмотрела.

– Прекрасно... – Феллер вернулся в кресло и взял в руку свой новый бокал. Тот, в который он бросил окурок, убрали. – Карифа, я с удовольствием поднимаю тост за наше знакомство. Уверен, оно окажется долгим.

Девушка сделала маленький глоток и осведомилась:

– Мне для этого приказали сюда явиться?

– Вас пригласили на прием.

– Ради знакомства с вами?

– Для многих людей в знакомстве со мной заключается смысл жизни, – улыбнулся А2. – Надеюсь, вы понимаете, что я не хвастаюсь.

– Понимаю.

– Агент Амин, то, что я вам расскажу, не является официальной информацией, – взял слово директор Митчелл. – Я не смогу подтвердить свои слова документально, так что вам придется поверить... или не поверить.

Карифа сдержанно кивнула.

– Хорошо, – Митчелл откинулся на спинку кресла. – Агент Амин, вы слышали легенды об отряде «Sputnik»?

– Да, – тихо ответила Карифа, едва не поперхнувшись икрой.

Свежайшей русской икрой, доставленной из России на са-

молете.

– Так вот, это не легенды. В структуре GS действительно существует подразделение, офицеры которого обеспечивают безопасность VIP-персон. Не всех, конечно же, а лишь тех, кто входит в избранный круг, имеющий огромное влияние на всю нашу цивилизацию. И одна из этих персон в настоящий момент находится перед вами, агент Амин.

Девушка посмотрела на Феллера.

– Вам нужен телохранитель?

– Нет, меня достаточно охраняют, – качнул головой А2. – Я остро нуждаюсь в человеке решительном, смелом, опытном и энергичном, который будет вести мои дела по всему земному шару. Я остро нуждаюсь в вас, специальный агент Амин.

– Что я должна буду делать?

– Все, что я прикажу, – ответил Феллер, глядя девушке в глаза.

– Оставаясь в рамках закона?

– Действуя в интересах общества.

– То есть нет?

– Вас что-то смущает?

Карифа покачала головой, показывая, что очень удивлена ответом, и перевела взгляд на Митчелла:

– Директор?

– Агент Амин, А2 прекрасно осведомлен о вашем послужном списке, и если бы мы хоть на мгновение подумали, что

предложение вас шокирует, мы бы его не сделали, – ровным голосом произнес Митчелл. – Вам неоднократно приходилось нарушать закон, действуя в интересах общества.

– Именно так, директор: в интересах общества, – с нажимом произнесла девушка.

– Я и есть общество, – вдруг сказал А2. – Я его квинтэссенция, Карифа, и когда вы нарушали закон, вы действовали в моих интересах, только на низком уровне. Теперь я предлагаю вам перепрыгнуть через несколько ступенек и попробовать себя в другой лиге.

– Несмотря на могущество, вы не в силах отказаться от грязных дел? – Она явно хотела вывести Феллера из себя, но чтобы пробить его хладнокровие, требовалось нечто более серьезное.

– Я ищу не разбойника, а специалиста, которому предоставлю широчайшие полномочия, необходимые для достижения моих целей, – спокойно объяснил А2. – Мне нужен человек, который будет играть вместе со мной.

– В вашей свите, – уточнила девушка.

– Совершенно верно.

– Но с широкими полномочиями?

– С широчайшими полномочиями, Карифа, и очень интересными поручениями.

– Такие предложения делаются не часто, агент Амин, – вставил свое слово Митчелл. – В отряд «Sputnik» отбирают самых лучших.

– Вы еще скажите, что за мной следили.

– Мы следим за всеми, агент Амин.

Ответ прозвучал настолько буднично, что девушка слегка покраснела. И чтобы скрыть смущение, спросила:

– У меня будет время подумать?

– Немного, – быстро ответил Митчелл. – Один день.

– То есть вам срочно нужен помощник... – Амин вновь посмотрела на Феллера. – Что случилось с предыдущим?

– Я предупреждал, что она умна, – шутливо напомнил директор GS.

– Но это же прекрасно, – рассмеялся А2, не сводя с девушки глаз. – Долгое время на меня работал человек по имени Эрл Маккинрой. К сожалению, несколько месяцев назад Эрл погиб, и я до сих пор не могу подыскать ему достойную замену.

– У вас несколько месяцев нет специалиста по грязным делам? – прищурилась Амин.

– Теперь вы понимаете глубину моего отчаяния, Карифа, – продолжил посмеиваться Феллер. – Дела копятся, а человека все нет и нет.

– У меня есть один день, – Амин поднялась и не прощаясь вышла из ложи.

– Я ее беру, – выдохнул Феллер, швыряя бокал в угол. – Арнольд, ты отыскал настоящую жемчужину!

– Она еще не согласилась, – заметил Митчелл.

– Согласится.

– Не уверен, она слишком горда, чтобы променять службу в GS на служение одному человеку.

– И это тоже, – после короткой паузы согласился А2. – Но я читал психологический профиль нашей красавицы и знаю, что нужно сделать, чтобы Карифа приняла предложение. – Он поднялся, потянулся, рассеянно оглядел опустевший зал и закончил: – У каждого человека есть выключатель, надавив на который можно получить все, что захочешь. Я знаю, чего хочу от агента Амин, и знаю, как этого добиться.

* * *

Бруклин США, Нью-Йорк апрель 2029

– Ты зверь! Ты бешеный зверь! Ты монстр!

Женщина кричала так, что в какой-то момент Орсон ей поверил, ненадолго решил, что она кричит по-настоящему. Потому что чувствует... Потому что он ей нравится... Впрочем, почему в «какой-то момент»? Орк умел обращаться с женщинами, умел и доставить удовольствие, и получить его, он был крепок, силен и уверен в себе, никогда не сомневался в искренности стонов и криков, но сейчас с ним была профессионалка, и в этом случае недоверие становится обязательным фоном. Ведь профессионалки не любят, а оказывают услуги. И никогда не знаешь, что они чувствуют на самом деле.

Если, конечно, задумываться о такой ерунде, как чувства

профессионалки.

– Мне хорошо! Не останавливайся! Еще! Еще!

Орсон подцепил женщину в баре, в обычном, кстати, не из тех, где ищут платных спутниц на ночь или час. Женщина сидела в углу, ни к кому не приставала, не делала знаков, даже не глядела на посетителей, но Бен сразу понял, чем занимается рыжая: он ведь военный, последний год – одинокий военный, и обладал наметанным взглядом. Орсон предложил свою компанию, завязал непринужденный разговор, убедился, что не ошибся, и пригласил отправиться к нему. Двойной ценник, разумеется, потому что над его головой краснели цифры «42» и нужно доплатить за риск.

По дороге попросил не использовать во время секса дешевых фраз, но, видимо, у женщины сработала давным-давно заученная программа, она знала, что должна не только сто-нать, но и кричать, и кричала то, что привыкла.

Дешевые и пошлые фразы.

– Сделай меня! Сильнее! Мне нравится! Мне нравится!

Но закричала она не сразу, а ближе к финалу, когда Орку, если честно, стало все равно. Бен завелся – неожиданно для себя – и пропускал пошлые вопли мимо ушей. А завелся, потому что женщина напомнила ему Сару. Собственно, поэтому Орк и обратил на проститутку внимание. Келли – это имя она назвала – так сильно походила на Сару, что могла оказаться ее младшей сестрой: прямые рыжие волосы, зеленые глаза, полные губы, стройная фигура... Глаза, правда,

усталые, несмотря на искусственный блеск нанозэкрана, но такова плата за общение с профессионалками: их глаза всегда усталые, потому что видели слишком много.

В финале Келли закричала. Орсон – тоже. Заорал, как в юности, когда эмоции еще не притупились, заорал не стесняясь, в голос, а потом долго лежал на спине, бездумно глядя на светлый потолок и прислушиваясь к прерывистому, постепенно успокаивающемуся дыханию женщины.

– Ты не против? – отдышавшись, Келли достала из сумочки «steamsmoker» и портсигар с капсулами.

«Хороший портсигар, – машинально отметил Бенджамин, – не пластиковая дешевка, а из настоящего дерева».

– Только не кури наркотики, – попросил он, подкладывая под спину подушку и забрасывая левую руку за голову.

– Боишься, что мне снесет крышу? – улыбнулась она, выбирая розовую капсулу.

– Не люблю, когда при мне принимают наркоту.

– Как же ты живешь? – хихикнула Келли. – Все принимают наркоту... – А в следующий миг ойкнула и добавила: – Разрешенную, разумеется. – И посмотрела на Орка виновато: – Ты полицейский?

– Нет, военный. – Он помолчал и добавил: – Бывший. – Хотя мог бы и не объяснять – красные цифры «42» над его головой говорили о том, что впредь этому человеку государство оружие не доверит, и не важно, кем он был: полицей-

ским или военным. Цифры накладывала глобальная OS¹³, которая знала о каждом чипе все, и стереть или замаскировать их не было никакой возможности: если ты в ag/G и достиг возраста suMpa, над тобой всегда будут цифры. А ты в ag/G всегда.

– Мне странно видеть, что здесь почти все под кайфом.

Не совсем все, конечно: полицейские, как успел заметить Орк, даже разрешенными наркотиками не злоупотребляли, а вот обычные граждане сполна наслаждались правами, обретенными по федеральному закону «О профилактике психических расстройств».

– В армии не так?

– В армии по-разному, – не стал врать Бен. – Но там ты идешь в бой, тебя хотят убить, и многие парни принимают наркоту, чтобы не сойти с ума.

– Тебя везде хотят убить, – неожиданно резко бросила Келли. – Весь этот чертов мир хочет тебя убить, и если ты справляешься без наркоты, то ты настоящий, мать его, герой, правда, я таких не видела. А вояки, ты уж извини, глотают дурь, как не в себя.

– Но я говорил о своем подразделении, – кротко ответил Орк, уходя от спора. Он прекрасно понимал, о чем говорит женщина, и не собирался защищать всех солдат мира.

– У тебя было свое подразделение? – Келли глубоко затянулась и пустила к потолку облако пахнущего вишней дыма.

---

¹³ OS (Operating System) – операционная система.

– Да.

– Офицер?

– Да.

Говорить о своем прошлом и уж тем более об отставке Орк не хотел, но обрывать разговор не стал – ему нравилось общаться с этой женщиной, поэтому решил сменить тему:

– Келли, ответишь на вопрос? Только мне нужен честный ответ.

– Я могу сначала услышать вопрос?

«Она не дура...»

Бен уже понял, что проститутка ему досталась необычная, слишком умная для профессии, причем именно умная, а не набравшаяся опыта и житейской хитрости. Такие женщины выходили на панель только в результате очень страшных, ломающих жизнь обстоятельств.

– Я вижу твое лицо или «обложку»?

Высококласное военное приложение, позволяющее смотреть сквозь дополненную реальность, у Орсона стерли после увольнения, а гражданские версии не отличались особым качеством и «вскрывали» далеко не все наложения. А Бен привык к правде.

– В действительности у меня чуть больше морщин, чем ты видишь, спасибо продвинутому craft(art), но лицо – мое, – спокойно ответила женщина. – Оно мне нравится.

– Мне тоже.

Келли улыбнулась, и у Бена защемило в груди: он узнал

манеру чуть поднимать уголки губ, не улыбаться, а лишь обозначать улыбку, чтобы она – тень улыбки – освещала лицо. Так когда-то улыбалась Сара.

– Кого я тебе напомнила? – неожиданно спросила прости-
тутка.

Настолько неожиданно, настолько точно выбрав момент, что Орсон вздрогнул и сбился.

«А ты умеешь влезть в душу...»

– Почему ты решила, что напомнила мне кого-то? – ровно поинтересовался Бен, взяв себя в руки.

Но чтобы успокоиться, ему потребовалось почти десять секунд, и они стали ответом на вопрос.

– Я не первый год в бизнесе и вижу клиентов насквозь.

– Меня тоже?

– Разве я ошиблась?

– Ты напомнила мне жену, – выдохнул Орк, сняв с языка ругательство, которым почти собрался оскорбить женщину.

– Она умерла, – с прежней пронизательностью продолжи-
ла Келли. – Сочувствую.

– Я уже свыкся с тем, что ее нет.

– Почему никого не завел?

– Видишь цифры над моей головой? – улыбнулся Бен. – Кто захочет что-нибудь со мной заводить?

– Те, у кого над головой такие же цифры.

– Мы боимся друг друга.

И понял, что сказал нечто для Келли новое, нечто такое,

что никогда не приходило ей в голову.

– Я об этом не думала, – призналась женщина, пыхнув своей химической курительницей. – Хотя предположение логичное и многое объясняет.

– Что именно?

– Почему олдбаги держатся особняком.

– Не в каждом олдбаге взрывается suMpa.

– Но каждый олдбаг думает о том, что в нем может взорваться suMpa, – резанула Келли, и ее глаза блеснули. По-настоящему блеснули. – И постепенно превращается в параноика.

– Да, – помолчав, признал Бен. – Все так. Точнее, возможно.

Они помолчали, стараясь не смотреть друг на друга, затем Келли убрала «steamsmoker» и спросила:

– У тебя есть душ?

– Да.

Квартира у Орсона была небольшой: спальня да кухня-гостиная, но уютной и очень хорошо оборудованной. В свое время, еще до того, как Бруклин превратился в то, что он представлял собой сейчас, Сара мечтала провести на этой тихой улочке остаток жизни и позаботилась о том, чтобы в гнездышке появилось все необходимое для комфортной жизни.

– Можно я приму душ? Или ты собираешься продолжить?

– Прими, – разрешил Орк.

Спать с ней после этого разговора Бену не хотелось. Во всяком случае – пока.

Он проводил проститутку взглядом, поднялся с кровати и подошел к окну, напротив которого сверкал рекламный монитор.

«Наноботы «Crystal» – лучший выбор для вашей «обложки». Простое использование – великолепный результат. Наноботы «Crystal» – универсальны для любого craft(art)!»

Видео нехитрого ролика демонстрировало еще более нехитрые правила использования наноботов: женщина вскрывала упаковку баллончика, программировала содержимое на свой чип, щедро обрызгивала наноботами дешевую майку, которая через пару мгновений превращалась в модную в этом сезоне футболку знаменитого бренда. То же самое можно проделать с часами, машиной, собой – с чем угодно. Облей наноботами поверхность, выбери для них обложку из craft (art), и ar/G покажет окружающим то, что ты хочешь показать.

А не то, что есть на самом деле.

Впрочем, реклама Орсона не заинтересовала. Сейчас его мучил гораздо более важный вопрос:

«Я становлюсь параноиком?»

В отличие от подавляющего большинства людей, достигших зловещего возраста suMpa, Бен не боялся того, что однажды отправится убивать. И, соответственно, будет убит. В конце концов, взорвет тебя вирус или нет – это лотерея, од-

ним везет, другие берутся за оружие. Но слова Келли заставили его задуматься над тем, не существует ли связи между ожиданием и агрессией?

«Вдруг с ума сводит не вирус, а мысли о нем? Депрессия, порожденная существованием на кончике ножа: заболею я сегодня или обойдется? Что на самом деле происходит, когда глаза заливают мерцающая ртуть?»

Никто не знал, как именно и с какой вероятностью взрывается вирус, никто не знал, какой у него инкубационный период – WHO давала на эти вопросы весьма расплывчатые ответы, и до сих пор suMpa просто ходил по миру, поражая людей по своему желанию. И каждый, кто отпраздновал срок второй день рождения, оказывался под прицелом.

И ждал...

Или перерезал себе вены, не в силах вынести сводящего с ума ожидания.

Орк знал, что он не такой, что он выдержит и не рехнется, но Келли была права: о вирусе он думал постоянно.

Когда женщина вышла из душа, Бен как раз заварил чай. Спросил через плечо:

– Будешь?

Она тихо ответила:

– Да. – А потом подошла сзади и крепко прижалась, обхватив его руками за грудь. – Ты не против?

– Нет, – помолчав, ответил Орк. – Я... Мне... Ко мне давно так никто не прикасался... – И едва не выронил чайник,

потому что у него задрожали руки. – Я не против.

И закусил губу.

Она его прочитала. Легко или нет – не важно, Келли прочитала Орсона и дала ему то, в чем он действительно нуждался: тепло. Дала очень мягко, естественно, одним-единственным жестом, и теперь могла вить из Орка веревки.

Но не стала.

– Чай пахнет очень вкусно, – прошептала женщина, продолжая прижиматься к его спине.

– Я люблю хорошие чаи, – очень тихо ответил Бен. – Давно пристрастился.

– А еще?

– Виски.

– Бурбон?

– Скотч.

– Односолодовый?

– Только.

– Грубый?

– Жесткий.

– Хорошо... – Она не отпускала Орка, а он не вырывался. Хотя знал, что пойман, что оказался в психологической ловушке, но не вырывался. Келли дала ему тепло, и Бен с жадностью впитывал его, отогревая замерзшую душу.

– Почему не остался в армии?

– Не представляю себя без оружия.

– Любишь убивать?

– Воевать, – уточнил Бен. – Защищать. Я умею сражаться голыми руками, но с оружием получается эффективнее, а тем, кто достиг возраста suMpa, оружия не полагается. У моего руководителя забрали коллекцию старых «кольтов». Пришли и сняли со стены стволы, которые он собирал всю жизнь. Это... наверное, правильно, но унижительно.

– Ты слишком гордый для этого мира.

– Таким меня воспитали.

– Не жалеешь?

– Иногда, – не стал скрывать Орсон. – Но не настолько, чтобы меняться.

– Кем считаешь меня?

– Я видел много и давно перестал осуждать.

– А презирать?

– Это несправедливо.

– Презирать?

– Презирать за то, что не повезло, – объяснил Бен. Он поставил чайник и накрыл руки женщины ладонями. На тот случай, если она захочет разорвать объятия. – Мир несправедлив, вот он достоин презрения, а тебе просто не повезло, я знаю.

– Откуда?

– Я вижу, что ты чужая своей профессии.

Женщина резко выдохнула и сильнее прижалась к Орсону.

Долго, почти минуту они стояли и молчали, боясь нару-

шить возникшую связь, а затем Келли тихо-тихо спросила:

– Разве не мы построили несправедливый мир?

– Мы, – ответил Бен. – Однако мы – всего лишь орки: строители и военные, ученые и разбойники, шлюхи и праведники. Мы – муравьи мира, он стоит на нашем прахе. Мы умирали, строя железную дорогу, но не мы решали, куда она пойдет.

– Все это очень сложно, – прошептала женщина, но по ее голосу Орк догадался, что Келли его прекрасно поняла, и улыбнулся. Однако промолчал, потому что женщина продолжила: – Мне очень приятно, что ты так сказал... обо мне. Спасибо, – она потерлась щекой об его спину. – Обычно люди стыдятся говорить мне приятные слова... те люди, которым я по глупости задавала этот вопрос.

– Мне приходилось делать такие вещи, что стыд давно потерял для меня смысл, – спокойно ответил Бен, лаская сомкнутые пальцы Келли.

– Неприятные вещи?

– Ужасные.

– Во имя страны?

– Я поклялся ее защищать.

– А она требовала грязи?

– Требовала окунаться в нее с головой.

– Как же ты справляешься?

– Я научился оставлять сделанное в прошлом. И никогда к нему не возвращаюсь.

– И оно ни разу тебя не настигало?

– Я хорошо умею закапывать то, от чего нужно избавиться.

Они вновь помолчали... Эти мгновения – объятий в тишине – очень им нравились, а затем Келли тихо продолжила.

– Я играла на виолончели, занималась в настоящей музыкальной школе у очень хорошего педагога. Это может показаться глупым, кому нужна виолончель, когда есть электронные импровизаторы, с помощью которых можно синтезировать любую композицию в любом стиле, но до сих пор существуют симфонические оркестры, которые играют на настоящих инструментах. Попасты в них сложно, требуется пройти большой конкурс, ведь оркестры играют для подлинных ценителей.

– Не для орков, – понял Бен.

– Нет.

– Ты хорошо играла?

– Очень, – без ложной скромности ответила Келли. – Мне нравилось играть, я старалась, у меня получалось. Говорили, что у меня талант.

– Что с тобой случилось? – глухо спросил Орк.

Хотя догадывался, какую историю услышит.

– Отец потерял работу и не смог найти новую – такого же уровня. Некоторое время мы держались за счет сбережений, потом они закончились, и жизнь рухнула. Новая работа отца не была ни престижной, ни доходной, мы переехали в дру-

гой район, но не сразу поняли, чем он отличается от прежнего, безопасного... Я по привычке ходила в школу одна, без сопровождения, и где-то через неделю меня изнасиловали. Они затащили меня в арку и... – Бен почувствовал, что Келли задрожала. – Их было четверо – крепкие парни из старшего класса. Когда они поняли, что для меня это... что я делала это в первый раз, они развеселились окончательно. Отвели меня в какой-то подвал и не отпускали три часа. А на прощанье сказали, что убьют, если я кому-нибудь расскажу.

– И ты не рассказала? – спросил Орк, чувствуя, как у него сводит скулы от бешенства.

– Вернувшись домой, я разбила виолончель. Даже в душ не стала заходить: вошла в квартиру, вытащила ее из шкафа, поднялась на крышу и разбила. Она стала ненужной, потому что к этому моменту я уже оставила музыкальную школу. Мое будущее изменилось... – Келли тихонько всхлипнула. – Сейчас я принадлежу одному из тех хулиганов. Он стал в Бруклине весьма авторитетным человеком.

– Как его зовут?

– Какая разница?

– Интересно.

– Просто интересно?

– Я – военный в отставке, – напомнил Орк. – Я обладаю большим боевым опытом и за две недели, что живу в Нью-Йорке, познакомился с десятком, если не больше, авторитетных парней.

– Всем нужен бывший военный?

– Я не хотел, чтобы обо мне знали, но кто-то слил информацию, и предложения сыплются как из рога изобилия.

– Его зовут Сечеле Дога, – помолчав, ответила Келли.

– По прозвищу Крокодил?

– Знаешь его?

– Он сделал щедрое предложение.

– Значит, может получиться так, что в следующий раз я обслужу тебя бесплатно.

Орк резко повернулся, взял лицо женщины в руки и заглянул в ее полные слез глаза. И почувствовал, как защемило душу: то ли от жалости, то ли от бешенства.

– Зачем ты все это рассказала?

Келли слабо улыбнулась.

– Зачем?

– Тебе было нужно тепло?

Он понял, о чем спрашивает женщина, и кивнул:

– Да.

– Мне тоже. – Из ее глаз потекли слезы, но Келли улыбалась. Улыбалась по-настоящему, искренне. – Я была счастлива встретить мужчину, который выслушал мою историю и отнесся к ней серьезно. В конце концов, ничего, кроме этой истории, у меня не осталось.

«Была счастлива... была... была... была...»

Утром Орк предложил ей остаться, но Келли отказалась. Он решил, что не был понят, и уточнил: «Совсем», она поцеловала его в щеку и ответила: «Я не могу». Тогда он сгруппировался и сказал, что договорится с Крокодилом, но уже заканчивая фразу понял, что произносить ее не следовало.

– Я не искала спасения, – ответила Келли.

– Но почему?

– Не нужно все портить.

– Мы только встретились.

– Лучше, чем сейчас, уже не будет. – Ее руки обвили шею Бена, а дыхание обжигало грудь. – Счастье может быть только мимолетным. А с тобой я была счастлива.

– Прошу, останься.

– Я разбила виолончель, ее не склеить.

– Ты этого не знаешь.

– Знаю... знаю... знаю... – И снова – сводящая с ума тень улыбки. И зеленые глаза... Только взгляд больше не усталый, взгляд умиротворенный. – Я не верила, что такие мужчины еще есть, но я тебя нашла, Орк, и умоляю: не порть нашу встречу. Пожалуйста...

Он понимал, что не должен ее отпускать, но был уверен, что легко отыщет. Она выскользнула из квартиры, когда Орк

отправился под душ. Открыла и закрыла дверь очень аккуратно, бесшумно, однако стоящий под струями воды Бен почувствовал сквозняк. Он пожал плечами, сказав себе, что обязательно ее отыщет, но через мгновение вспомнил ее новый, умиротворенный взгляд, сообразил, что будет, громко выругался, торопливо вытерся, натянул штаны, рубашку и выскочил из квартиры. Бросился к лифту, спустился на первый этаж, надеясь догнать Келли до того, как она исчезнет за углом, но не успел. Выбегая из подъезда, увидел собирающуюся на улице толпу, остановился – потому что все понял, закрыл глаза, мысленно досчитал до десяти, подошел к одному из зевак и тихо спросил:

– Что случилось?

– Шлюха с крыши сиганула, – небрежно ответил тот.

И Орк до конца жизни удивлялся своей выдержке, не позволившей ему свернуть болтуну шею. Он глубоко вздохнул и спросил:

– Почему?

– А кто ее знает? Прыгнула, и все. Не она первая, не она последняя.

– Это Келли, одна из давалок Сечеле, – поведал темнокожий крепыш с пакетиком орешков в руке. – Небось наркоты перебрала.

– Она вроде не торчала.

– Они все торчат. Шлюхи ведь.

– Ножки у нее были отличные, длинные...

Рыжая девушка лежала посреди улицы в нелепой позе. Но при этом, как ни странно, на ее губах застыла тень мимолетной улыбки, лишь обозначенной, еще не состоявшейся, но обворожительной до безумия. Вокруг растекалась кровь. Зеваки бурно обсуждали короткую и не слишком радостную жизнь Келли, сосредотачиваясь на ее сексуальных способностях. Полицейский дрон фотографировал. Из-за угла выехала серая труповозка. А окаменевший Орк стоял и думал о том, что, когда он служил в армии, страна, которую он защищал, казалась намного лучше.

* * *

Говорят, что suMpa есть ярость, агрессия, злоба и ненависть.

Наверное, правильно говорят, потому что инопланетный вирус вызывает у людей нечто вроде бешенства, резкую, как взрыв, вспышку абсолютно немотивированной агрессии, во время которой человек начинает убивать. Не крушить все вокруг, а целенаправленно убивать, стараясь, чтобы жертв оказалось как можно больше. Убивать людей, не животных. Известны случаи, когда олдбаги уезжали с фермы, оставляя в целости коров, свиней, овец, собак и прочую живность, добирались до ближайшего бара и устраивали кровавое побоище, отправляя на тот свет пять, десять, двадцать человек... А животных не трогали. Как будто ино-

планетный вирус требует убивать исключительно разумных.

Как будто сам вирус разумен.

Как будто *сиМра* не болезнь, а оружие.

Ученые спорят, был ли вирус таким изначально; или изменился во время путешествия по Вселенной, подвергаясь воздействию космического излучения; или стал таким, оказавшись на Земле, под влиянием нашей атмосферы, стратосферы, биосферы и прочего дерьма, которым мы окутали планету; или становится таким, попадая в наши клетки. Ученые спорят, порождая бесчисленные научные статьи, простые люди проклинают Воронежский метеорит, а вирус продолжает шествовать по планете.

Если над твоей головой краснеют цифры «42» или большие, ты в любой момент можешь взяться за оружие.

Ты этого боишься и ждешь. Люди вокруг боятся этого и ждут. Мы начинаем смотреть друг на друга, как на врагов, и готовиться к неизбежному. К тому, что мы называем неизбежным, – к смерти. Мир поделится на олдыбагов и тех, кто еще не достиг их возраста, и мир останется таким до тех пор, пока не придумают вакцину.

Мир окутала *сиМра*.

Но иногда мне кажется, что вирус не делает нас агрессивными и злобными, а всего лишь включает. Иногда мне кажется, что *сиМра* – это и есть наш мир. Наш настоящий мир: не втиснутый в рамки законов, не приглаженный эти-

кой и моралью, не отретушированный лицемерием – мир, где не вырваться из переполненных наркотиками гетто, где можешь рассчитывать только на себя, где разобьешь виолончель потому, что переехал в другой район. Мир, пытающийся спрятаться за «обложками», но их фиговые листки делают его еще более реальным.

Мир, в котором за все надо платить...

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

* * *

Бруклин США, Нью-Йорк апрель 2029

Сечеле Дога по прозвищу Крокодил должен умереть.

Решение Орсон принял, едва увидев бездыханную Келли. Решение окончательное, не подлежащее пересмотру. При этом Бен отдавал себе отчет в том, что готовится совершить преступление, но та его часть, в которой еще теплилось уважение к закону, даже не пикнула, лишь печально вздохнула, признавая право на месть. Право той части, которая отвечала за проведение незаконных специальных операций на территориях независимых государств, которая безжалостно истребляла террористов и работорговцев и ставила понятие справедливости много выше буквы закона. Право той части, которую история Келли привела в лютое бешенство, сменившееся холодной, расчетливой злобой.

Сечеле Дога по прозвищу Крокодил должен умереть.

И полковник Сил специального назначения Бенджамин Орсон, известный сослуживцам под позывным Орк, поклялся использовать все свои умения, чтобы Дога не ушел безнаказанным. Чтобы он вообще не ушел.

Но что может сделать один человек, пусть даже прекрасно подготовленный, против сплоченной вооруженной группы? Правильный ответ – ничего. С другой стороны, Орк и не собирался истреблять всю банду, держащую в страхе едва ли не треть Бруклина, ему было достаточно крови Крокодила, то есть предстоял не штурм, а диверсионный акт и быстрый отход – такая задача вполне по силам одному специалисту, и Бен взялся за дело.

Сначала – разведка, определение приблизительного состава банды, оценка личного состава и выбор места проведения операции. Понаблюдав за Сечеле три дня, Орсон отказался от мысли устроить засаду и решить вопрос снайперским выстрелом: осторожный Дога перемещался по району бессистемно и старался не показываться на открытых местах. Для организации засады пришлось бы следить за Крокодилом не менее двух недель, а Орк не был настроен ждать и потому решил взять Догу в логове, в подвале, который Крокодил считал неприступным и проводил в нем ночи. Тщательно изучив инженерные схемы, Орсон отыскал слабое место в крепости банды и разработал план проникновения, требующий от исполнителя лишь решительности и необходимого снаряжения.

И того, и другого у Бенджамина было в избытке.

До 2028 года Орсон даже в мыслях не мог допустить, что однажды ему придется пойти против системы. Он вел законопослушную жизнь незаконпослушного специалиста в сфере государственной безопасности, но все преступное оставлял на работе и за пределами страны. Он знал, что делает грязную работу, но воспринимал себя частью огромного организма, ассенизатором цивилизации, помогающим обществу нормально жить и развиваться. В сущности, так оно и было, но Воронежский метеорит, suMpa и смерть Сары все изменили. Орсон спросил себя, что будет, если в нем взорвется вирус, и ответил спокойно: он сойдет с ума, и его убьют. Но будучи человеком военным, Бен привык рассматривать все возможные варианты развития событий и поставил перед собой следующий вопрос: что будет, если случится эпидемия suMpa, а он останется здоров? При таком развитии событий будущее оказывалось непредсказуемым, непредсказуемость всегда приводит к крови, и Бен по привычке принялся готовиться к войне.

И именно тогда перестал быть законопослушным не только по долгу службы.

Профессия обеспечивала ему широчайший доступ к оружию и снаряжению, а положение командира – к отчетам и другим документам, помогающим скрыть следы банального воровства: Бен списывал нужные устройства как утерянные в бою или не вносил в перечень захваченные трофеи. При

этом не жадничал и не торопился, брал осторожно и понемногу, внимательно следил за тем, чтобы у проверяющих не появилось сомнений, и постепенно стал обладателем прекрасной, со вкусом подобранной коллекции, призванной облегчить жизнь человеку в условиях апокалипсиса: оружие, боеприпасы, снаряжение, одежда, медикаменты, пища и даже сотня золотых монет, которую Бен ухитрился украсть в логове одного из наркобаронов.

Схрон был оборудован в Бруклине, поскольку Бен собирался доживать свой век в их с Сарой квартире, и теперь впервые пригодился.

Разработав план вторжения в крепость Крокодила, Орсон спустился в подвал, через него проник в одну из веток муниципальной канализации и быстрым шагом добрался до заброшенного тупичка, в котором оборудовал убежище, – на весь путь ему потребовалось двенадцать минут. Убедился, что за ним никто не следит, а «балалайка» давно потеряла связь с сетью, открыл профессионально замаскированную дверь, скользнул внутрь, включил свет и улыбнулся, разглядывая стоящие в помещении ящики.

Свое богатство.

За несколько месяцев обкрадывания армии Орк обзавелся полным боевым комплектом, включающим запасные энергетические элементы к нему и экзонакладкам; штурмовым огневым комплексом «зундра», разработанным по заказу Сил специального назначения и запрещенным к продаже

гражданским даже в облегченной версии; большим количеством боеприпасов и десятком дронов различного предназначения, которые Бенджамин перепрограммировал на работу с новым приложением, загруженным в чип после выхода в отставку. Приложение предназначалось для управления охотничьими дронами и потому умело управляться с оружием.

Однако главным сокровищем Орка, безусловно, являлся армейский «глухарь» – fullface-шлем, полностью блокирующий исходящий сигнал «балалайки». Преступники и террористы охотно использовали для своих целей возможности ag/G, причем иногда не менее эффективно, чем военные. Они устанавливали вокруг убежищ линии наблюдения, в том числе скрытые, которые не могли обнаружить, снять или заглушить армейские программисты, и после нескольких проваленных операций для спецов разработали особые шлемы, в которых они становились невидимыми в Сети. А значит – для любых систем обнаружения. Недостаток заключался в том, что приходилось пользоваться радиосвязью и отдавать все дроны под командование оператора, зато «глухари» позволяли вплотную подобраться к противнику и преподнести неприятный сюрприз.

А в случае с Орком – еще и остаться неузнанным: подвал Сечеле был надежно экранирован, но по дороге обязательно встретятся и датчики, и зоны действия ag/G, а Бенджамин не хотел, чтобы дружки Крокодила узнали, кто его прикончил.

Отобрав нужное снаряжение и облачившись в боевой комплект, Орсон вернулся в городскую канализацию, запустил закрепленный на левой руке пульт управления дронами, получил отчет от оставленного рядом с крепостью разведчика – Сечеле вернулся и находится внутри – и неспешно отправился в путь. По поверхности ему пришлось бы преодолеть всего семь кварталов, но под землей дорога длиннее, и Орк затратил на нее два часа. Шел неспешно, осторожно, тщательно следя за тем, чтобы ни с кем не встретиться, и оказался у крепости незамеченным. Добравшись, вновь проверил отчет разведчика, убедился, что Крокодил не покидал подвал, и приступил к штурму.

То есть к проникновению.

Днем ранее Орсон просканировал электронную защиту крепости и понял, что неразрешимых задач бандиты перед ним не поставили. Датчики движения под землей они почти не применяли, чтобы не отвлекаться на крыс и собак, а инфракрасные камеры включали только в случае тревоги, сделав ставку на сканеры чипов и тепловые детекторы, поскольку объект размером с человека спрятать трудно. И то, и другое Орк легко обходил с помощью военного комбинезона и «глухаря», но самое главное заключалось в том, что он подошел к цели, находясь на один подземный уровень ниже подвала, откуда бандиты вторжения не ждали и, соответственно, оставили массу дыр в электронной защите. Изучая схему коммуникаций, Бен обнаружил, что один из вен-

тиляционных каналов спускается еще на три уровня вниз, во время разведки увидел, что бандиты не залили его бетоном, как следовало, а заминировали, и освободил проход всего за четырнадцать минут, после чего неспешно и бесшумно поднялся в крепость и оказался в туалете.

По ночам в бункере Сечеле оставалось не более семи-восьми боевиков, составляющих его свиту и личную охрану, а с таким количеством противников Орк мог справиться без особого труда. Нужно было лишь сделать так, чтобы их количество не увеличивалось, то есть чтобы никто не вызвал подмогу, и один из бандитов по-дружески помог Бену, войдя в туалет в тот самый момент, когда Орк собирался его покинуть. Вошел – и напоролся на нож, уменьшив тем самым число защитников на одну единицу.

Отсчет начался.

Прикончив боевика, Бен сменил нож на пистолет с глушителем, отправился к входной двери и застрелил охранников. Заблокировал дверь – теперь подмога не явится слишком быстро, оставил у входа два боевых дрона с приказом открывать огонь по любой движущейся цели, заглянул в «казарму», застрелил трех спящих боевиков, а затем ворвался в комнату отдыха, где шла азартная и шумная игра в карты. За столом собрались пять человек, но немой сцены не последовало: Орк взял с собой автоматический пистолет; перед тем как ворваться, снял глушитель и поставил увеличенный магазин, и открыл огонь, как только выбил дверь, – так его учи-

ли. Комната оказалась не очень большой, поэтому огонь получился плотным и прицельным. А значит – экономичным. Загруженное в «глухарь» приложение не только указывало на первоочередные цели, но молниеносно оценивало результаты стрельбы, анализировало причиненный ущерб и давало рекомендации: перенести огонь на другую цель или добить предыдущую. На уничтожение пятерых человек Орсон потратил семь секунд и семнадцать патронов.

А затем вломился в спальню, и вломился вовремя: вскочивший с кровати Сечеле как раз потянулся за оружием.

– Нет, – негромко произнес Бен, и Крокодил послушно замер. Он был жестоким бандитом, но не дураком, и знал, когда следует подчиниться.

Медленно выпрямился, повернулся, показал ладони и прищурился:

– Ты пришел за деньгами?

Бенджамин промолчал. Посмотрел на дрожащую на кровати девушку и понял, что она не представляет угрозы.

– Кто ты? – продолжил Сечеле, явно стараясь потянуть время.

– Мы не знакомы.

– Ты пришел за деньгами?

– У тебя есть золото?

– Отпустишь меня? – тут же спросил Крокодил. И добавил: – У меня есть золото. Сто полновесных монет в сейфе.

– Не много.

– Здесь мне больше не нужно, – пожал плечами бандит. – Так, на текущие расходы.

И сделал малюсенький шаг к столу, на котором лежал пистолет. Настолько малюсенький, что распознать его глазом было практически нереально, но шлем считал его без труда.

– Еще одно движение – и я стреляю, – равнодушно произнес Орк.

– Армейская кастрюля с армейскими программами, – вздохнул бандит. – Мы договорились насчет золота?

– За сто монет я не стану тебя мучить, – пообещал Бен.

– То есть убьешь меня в любом случае? – поднял брови Сечеле.

– Да.

– Тебя наняли?

– Помнишь Келли?

– Какую Келли? – нахмурился Крокодил, явно не ожидавший услышать женское имя.

– Рыжую Келли, одну из твоих девочек, – уточнил Орсон. – Она прыгнула с крыши несколько дней назад.

– Ах, эту... – Дога неожиданно стал серьезным. – Ты пришел из-за Келли? Из-за прыгнувшей шлюхи?

– Расскажи мне о ней, – попросил Бен. – Она действительно играла на виолончели?

Сечеле вздрогнул. Однако ответить попытался твердо:

– Зачем тебе это знать?

– Ты действительно изнасиловал ее, когда она была

школьницей?

– Зачем тебе это знать? – повторил Крокодил, но голос предательски дрогнул, показав, что страх, которого дожидался Орк, наконец-то овладел бандитом.

И Бен без колебаний выстрелил Сечеле в ногу. Чуть выше колена.

– Черт! – завизжал бандит, падая на пол. – Черт! Черт! Не надо! Не стреляй – я все скажу! Я ее изнасиловал, да! А чего ты хотел? Не я, так другой, это было неизбежно!

– Ты ей жизнь сломал, – тихо сказал Орк. – Ты сделал из нее проститутку.

– А кем бы она здесь стала? – проревел Крокодил, зажимая рану рукой. – Оглянись, придурок, и подумай, какое другое будущее ее здесь поджидало? Принц на белом коне? Колледж и Принстон? Кем, по-твоему, она могла вырасти в Бруклине?

– Она играла на виолончели, – еще тише произнес Орк и прострелил бандиту голову.

Бен был полностью согласен с услышанным, знал, что Крокодил прав и здесь, в Бруклине, нищая белая девочка не могла ни на что рассчитывать. И еще знал, что на месте Сечеле мог оказаться кто угодно, потому что злобный Крокодил, чьи стекленеющие глаза тупо тарасились в потолок, стал просто инструментом судьбы, точнее, мира, который построили орки под чутким руководством хозяев. Сечеле не был ни плохим, ни хорошим – эти категории не имело

смысла использовать в отношении инструмента, но Орк все равно его сломал.

Потому что инструмент судьбы по имени Сечеле Дога был неотъемлемой частью того мира, который Орк начал ненавидеть.

Покончив с Крокодилем, Бен несколько секунд стоял над телом, не разглядывая его, а в последний раз прощаясь с Келли, прежде чем зарыть это прошлое, и лишь затем повернулся к замершей на кровати девушке.

– Одевайся и уходи.

– Ты меняпустишь? – удивилась она.

– Я пришел не за тобой.

Девушка помолчала, после чего со страхом произнесла:

– Я расскажу им все, что видела.

– Ты не видела моего лица.

– Все так... – Она вздохнула и продолжила чуть более уверенным тоном: – Келли действительно играла на виолончели.

Теперь вздрогнул Орк.

– Однажды мы разговорились, и Келли показала старую запись своего выступления. Она хорошо играла. – Девушка выдержала еще одну паузу. – Я не скажу, что ты отомстил за нее. Но за это ты прострелишь мне левую руку.

– Останется шрам.

– Иначе меня убьют.

– Ты можешь уехать.

– Мне некуда ехать.

Бруклин – это болото, из которого невозможно вырваться.

Это мир, в котором нет места виолончели.

– Если я покажу, где сейф, ты сможешь его вскрыть? – деловым тоном спросила девушка.

– Меня этому учили, – ответил Орк, улыбнувшись. Но только потому, что «глухарь» полностью скрывал лицо.

– Поделишься со мной?

– Заберешь половину того, что мы найдем.

Если Сечеле не соврал, девчонке достанутся пятьдесят золотых, а за такой приз можно вытерпеть и пулю в руку.

– Ты пообещал.

– Я держу слово.

Девушка кивнула, отбросила простыню, поднялась и стала быстро одеваться, совершенно не смущаясь Орка. Один раз бросила на него быстрый взгляд, не увидела ничего сквозь забрало шлема и спросила:

– Почему Келли прыгнула?

Сначала Бен не хотел отвечать, но нужные слова неожиданно пришли, и он ответил:

– Она вспомнила.

– Она обо всем забыла, – вдруг сказала девушка, перестав одеваться.

– Всего не забудешь, – жестко сказал Бен.

– Я знаю точно: Келли отпустила прошлое и выживала, как все вокруг.

Девушка сильно рисковала, говоря эти слова, и понимала, что рискует. Ей было страшно. Ей было очень страшно стоять перед убийцей, лица которого она не видела, но девушка все равно сказала то, что думала.

Она захотела знать правду, и она ее услышала.

– Я виноват, – угрюмо признал Орк. – Наша встреча оказалась для Келли слишком тяжелой. Она вспомнила.

– Келли увидела в тебе то, чего у нее никогда не было, – поняла девушка. – Но могло быть.

– Да.

– Я не спрашивала.

– Все равно: да.

– Ты убил Крокодила, чтобы смыть свою вину.

– Да.

Они помолчали.

– Келли была хорошей, – вздохнула девушка. И повернулась к висящей на стене картине. – Ты будешь смеяться, но сейф спрятан за ней.

* * *

Башня «АРЕХ» США, Сан-Франциско апрель 2029

Когда-то давно, разглядывая чертежи готовящейся к постройке башни в одном из центральных районов Сан-Франциско, А2 распорядился превратить ее крышу в удивительной красоты сад, которым восхищались даже те, для кого

слово «роскошь» являлось синонимом обыденности. Плодородная почва, система полива, система защиты от ветра – сад был оборудован по последнему слову техники, и собранные в нем растения, в том числе – экзотические, с легкостью выдерживали переменчивый климат Сан-Франциско. По саду были проложены дорожки, в уютных уголках прятались скамейки и кресла, в нем можно было отрешиться от всех дел и позабыть, что находишься в центре огромного города, но... Но А2 редко в него выходил.

Из панорамных окон пентхауса открывались великолепные виды и на город, и на залив, башня располагалась так, что из нее можно было наблюдать за китами, но... Но А2 редко стоял у окон.

Он любил сидеть у зажженного камина и смотреть на огонь. Особенно в дождь. Иногда, в те минуты, когда вода и водяная пыль скрывали от мира и город, и море, А2 подходил к окну и смотрел на туманную мглу, мысленно рисуя поверх нее свой новый мир.

Мир, полный тайн и чудес.

Мир невиданной красоты.

Мир, который может создать только он...

А когда дождь закончился, А2 распорядился распахнуть стеклянные двери в сад, чтобы пустить внутрь сырость, которую он называл свежестью, плюхнулся на диван, положив ноги на низенький столик, забросил руки за голову и громко спросил:

– Гунни, ты умеешь читать?

Гунни – Олаф Гуннарсон, мощный афрошвед под два метра ростом, исполняющий при Феллере обязанности телохранителя, промолчал, но на его крупном лице дернулось несколько отвечающих за мимику мышц, из чего наблюдательный А2 сделал вывод, что здоровяк заинтересовался, и продолжил:

– Я догадываюсь, что ты умеешь складывать буквы в слова, но доводилось ли тебе читать что-нибудь сложнее устава? – Афрошвед привел в движение нижнюю челюсть, но Феллер поднял руку: – Нет, не отвечай, мне безразлично. К тому же я знаю, что услышу... Вот я, как ты наверняка заметил, ведь ты у нас внимательный... я много читаю. В основном, конечно, файлы, но поскольку я ходил в школу еще до полной оцифровки информационного поля, то люблю почитать настоящие книги. Сделанные из бумаги... Ты, наверное, не знаешь, что это такое...

– Знаю.

– Кто разрешил тебе подавать голос? – рявкнул А2, и Гуннарсон поджал губы. Впрочем, Феллер так часто издевался над своим постоянным спутником, что досада давно вошла в список привычных состояний здоровяка. Что же касается А2, то он отнюдь не разозлился, а рявкнув, продолжил разговор с прежним спокойствием: – Я предпочитаю бумажные книги и даже, случается, специально распечатаваю наиболее интересные и важные для меня документы. Сей-

час, к примеру, я просматриваю личное дело агента Амин, – Феллер прикоснулся к раскрытой папке. – Здесь ее биография, награды, достижения, характеристики от разных руководителей, доносы от коллег, психологический профиль... Очень забавный, кстати, профиль, поскольку из него следует, что агент Амин с вероятностью девяносто процентов отвергнет мое предложение, и старине Арнольду придется устроить красивой мулатке некрасивую автомобильную катастрофу, ведь существование отряда «Sputnik» должно оставаться легендой... Меня предупреждали о таком развитии событий и предлагали более покладистые кандидатуры, но я решил, что, поскольку по остальным характеристикам агент Амин подходит идеально, нужно постараться убедить девушку принять предложение, и вернулся к изучению ее психологического профиля... Я не слишком быстро говорю?

Афрошвед оставил вопрос без ответа.

– У Карифы очень забавный профиль, – повторил А2 после недлинной паузы, затем взял из папки один из листов и задумчиво пробежал глазами по тексту. – Мне потребовалось всего два часа, чтобы понять, что нужно сделать, чтобы агент Амин приняла предложение с вероятностью девяносто семь процентов. Потом я позвонил старине Моргану, и он подтвердил мои выводы. А психологи GS в Карифе разобраться не сумели. Или испугались предложить мне этот вариант... – Он хмыкнул. – Надеюсь, что испугались: не хочется думать, что психологи крупнейшей мировой спецслуж-

бы являются полными импотентами в профессии. Что скажешь?

По тону Гуннарсон понял, что Феллер действительно хочет слышать его мнение, и хрипло произнес:

– Вы – самый умный человек из всех, кого я видел.

– Ну, поскольку умных людей ты видел немного, лесть получилась так себе, – с деланой печалью ответил А2.

Афрошвед хотел добавить, что, помимо ума, Феллер – самый сволочный тип из всех, кого он видел, но промолчал. Потому что Феллер и об этом знал.

А2 поднялся с дивана, взял папку и бросил в камин. Бумага весело вспыхнула. Некоторое время мужчины смотрели на огонь, после чего Феллер сказал:

– Сейчас она позвонит.

Гуннарсону пришел вызов, и он негромко доложил:

– Агент Амин на первом этаже, просит разрешения подняться.

– Я приму ее здесь, – медленно произнес А2, глядя на дгорающие в камине бумаги.

– Да, сэр.

– А ты убирайся, она не должна тебя видеть. Я сам ее встречу.

– Да, сэр. – Афрошвед помялся, но все-таки рискнул и ляпнул: – Она вас презирает, сэр. Не вас лично, а всех очень богатых людей. Это я понял.

– Знаю, что понял, и знаю, что презирает, – отозвался А2,

продолжая смотреть на огонь. – Убирайся, и если рискнешь подслушать или подсмотреть то, что здесь произойдет, – живым закопаю.

Пентхаус был надежно экранирован, к аг/Г подключался по кабелю, и разузнать, что происходит в апартаментах Феллера, можно было лишь старинными методами. И А2 не сомневался, что, несмотря на запрет, Гуннарсон приложит все силы, чтобы не пропустить предстоящее событие.

Волновалась ли она? Безусловно. Три последних дня, с того мгновения, как Карифа Амин получила письмо от директора Митчелла с указанием явиться в аэропорт JFK¹⁴, чтобы отправиться в Калифорнию – причем без всяких объяснений! – она была как на иголках. В Сан-Франциско ее встретили, отвезли в гостиницу, причесали, сделали стильный макияж, нарядили в дорогое платье и отправили на светский прием высочайшего уровня, напутствовав словами: «Вас позвуют».

Позвали...

Знакомство с Александром Адамом Феллером и сделанное им предложение Карифа переживала до сих пор и потому на эту встречу, как она надеялась – последнюю, собира-

---

¹⁴ JFK – аэропорт Нью-Йорка.

лась с особенным настроением. Тщательно продумала возможное развитие разговора, заготовила ответы, проговорила их, стоя перед зеркалом, а главное – отказалась от предложенного элегантного брючного костюма, выбрав вещи, в которых прилетела из Нью-Йорка.

К башне А2 ее доставили в лимузине с настоящим, живым шофером, а не в дорогой роботизированной игрушке, двери распахнул настоящий швейцар, в кабине, разумеется, работал лифтер. Обилие людей производило впечатление: эксцентричный Феллер окружал себя живыми слугами, что по нынешним временам выглядело анахронизмом. К тому же – безумно дорогим анахронизмом.

Но при этом А2 жил в пентхаусе, чем несколько разочаровал Карифу, нарисовавшую в своем воображении роскошный особняк в центре города. И Феллер, словно прочитав ее мысли, начал разговор неожиданно.

– Я не люблю дома, – произнес он, глядя на остановившуюся в центре гостиной девушку. Улыбнулся, кивнул на раздвижную дверь и вслед за Карифой вышел в сад. – У меня есть большое семейное поместье на Лонг-Айленде, но я не люблю в нем бывать.

– Что так? – набравшись смелости, осведомилась Амин.

– Оно слишком пустое и тем напоминает, что у меня нет детей.

– Здесь тоже полно места, – сказала Карифа только для того, чтобы хоть что-то сказать. Она не готовилась к подоб-

ному началу и несколько растерялась.

– Я редко выхожу в сад, он предназначен для вечеринок, – Феллер знал, что сбивает девушку с толку, но ничем этого не показывал. – При нашей первой встрече я понял, что вы не любите шампанское. Что предпочитаете?

– Неужели вы не читали мое досье? – попыталась огрызнуться Амин.

– У меня случайно оказалась под рукой бутылка розового итальянского. – Столик прятался совсем рядом. А2 наполнил бокалы и протянул один Карифе. – Ваше здоровье.

– Очень вкусно, – оценила Амин, сделав маленький глоток.

Вино и в самом деле оказалось великолепным.

– Мне принадлежит пара виноградников в Кротоне¹⁵. Купил, когда понял, что очарован местными винами.

– Вам ведь нравится виски, – заметила девушка.

– Откуда вы знаете? – поднял брови Феллер.

– Я не дура.

– Тогда почему вы ответили отказом на мое предложение? – быстро спросил А2. – Я был так изумлен, что решил не отпускать вас без еще одной встречи.

– Вам, наверное, редко отказывают?

– Хочу услышать от вас другой ответ.

– Ценю ваш интерес, но, увы, не могу изменить решение, – замирая от страха, сказала Амин. И вернула бокал с велико-

---

¹⁵ Кротоне – провинция Италии.

лепным вином на столик.

– Почему?

– Оно далось мне очень тяжело.

– Вы ведь знаете, от чего отказываетесь?

– Догадываюсь.

– Возможно, ваш выбор обусловлен недостатком информации? – предположил Феллер.

– Как только я узнала, что отряд «Sputnik» существует, я поверила во все связанные с ним легенды. – Девушка натянуто улыбнулась.

– У вас есть превосходная возможность подняться над законом, Карифа.

– Чтобы делать грязную работу?

– Чтобы принять участие в самой большой игре, которая идет на планете.

– Вы даете мне второй шанс, хотя, как я понимаю, это не в ваших правилах.

– Не в моих, – подтвердил А2. И легко взял Карифу за локоть: – Давайте вернемся в дом – собирается дождь.

В саду действительно стало прохладно.

– Почему вы решили дать мне второй шанс? – повторила Амин.

– А как думаете вы? – поднял брови Феллер.

– Потому что я – хороший профессионал?

– В GS много специалистов вашего уровня.

Он закрыл дверь и несколько мгновений стоял, разгляды-

вая небо и не поворачиваясь к девушке.

– Потому что я... не простой исполнитель? – сделала она следующее предположение.

– Вы склонны к импровизации и творчески подходите к работе, – признал А2. – Однако и это обстоятельство не стало для меня главным фактором.

– Тогда что?

– Вам не нравится существующая система, – отчетливо ответил Феллер, повернулся и посмотрел девушке в глаза.

– Другой все равно нет, – очень спокойно произнесла Амин.

– Отличный ответ, Карифа, – одобрил А2. – Ты, как и я, понимаешь, что система несовершенна, осознаешь свое бессилие, смирилась с ним, но обязательно заинтересуешься, услышав, что кое-кто собирается систему менять.

– Зачем? – вырвалось у девушки.

– Затем, что жизнь – это вечное обновление, и если оно прекратится – все рассыплется. Ты это понимаешь, во всяком случае интуитивно, и мне не придется тратить время на долгие объяснения.

Он остановился перед камином и замер, то ли потирая, то ли разминая руки и глядя на почти погасший огонь.

– Что именно вы хотите мне объяснить? – окончательно запуталась Карифа.

– Что я – тот самый парень, которому пришлось взяться за обновление системы.

– Зачем?

– Чтобы ничего не рухнуло, – терпеливо объяснил Феллер. Однако следующая фраза показала, что его терпение было наигранным: – И чтобы даже такая тупая овца, как ты, смогла нормально жить и даже, возможно, выпустить из себя личинку следующей овцы.

– Как вы меня назвали? – Карифа почувствовала, что краснеет от злости.

– Овцой, – свободно ответил Феллер и удивленно осведомился: – В чем проблема?

– Я ухожу, – решительно ответила девушка.

Но прежде чем она сделала шаг, А2 продолжил:

– Могу добавить: трусливой овцой. А вовсе не стервой, какой ты себя считаешь.

– Ты пользуешься своим положением, урод, – не выдержала Амин. – Знаешь, что можешь говорить что угодно, а я буду стоять и слушать.

– Не нравится правда, сучка?

– Пошел в задницу, козел.

– Сопли подбери, тупая дура.

– Скотина!

Карифа сделала шаг к двери, он резко схватил ее за руку и развернул.

И тут ему «прилетело» справа.

Разъяренная девушка врезала Феллеру кулаком в скулу, молниеносно добавила под вздох, хотела закончить «крю-

ком» справа, но А2 успел разорвать дистанцию и ответить прямым левой в челюсть. Было видно, что он ошарашен натиском, но не потерял ни ориентации, ни хладнокровия. Ответил, но остановить Карифу не смог. Она продолжила бешеную, но отлично продуманную, очень быструю, профессиональную атаку. Удар в висок – уклонение, удар в коленную чашечку – уход, удар по нервным окончаниям, удар, удар... Могло показаться, что отступающий Феллер вот-вот скроется под ударами, однако опытный человек видел, что А2 прекрасно держится и ни один выпад Карифы, кроме самого первого, не достиг цели. Феллер терпеливо выжидал и перешел в контратаку, как только поймал нужный момент. Резкий встречный в голову, Амин уклонилась, но А2 провел подсечку, отправив зазевавшуюся Карифу на пол, и безжалостно врезал девушке ногой. Это был нокдаун. В голове агента зашумело, перед глазами поплыло, а руки стали ватными. А2 ударил ее еще несколько раз, а затем Карифа почувствовала, что он перевернул ее на спину и принялся расстегивать брюки.

– Нет...

Проклятый шум в голове не позволял сопротивляться, сделал слабой, неподвижной, а пуговицы быстро сдались – и Феллер буквально вытряхнул девушку из брюк и трусов.

– Нет, пожалуйста, нет... – заплакала Карифа и вскрикнула, когда он вошел. Грубо. Жестко. – Тварь! Не трогай...

– Смотри на меня! – рявкнул А2.

– Нет...

Амин попыталась отвернуться, но он крепко взял ее за подбородок и так резко повернул голову, что едва не сломал шею.

– Смотри на меня!

И хотя изображение плыло, девушка видела его лицо, видела отчетливо.

– Я тебя...

Хотела сказать «убью», хотела пообещать, зная, что вряд ли исполнит угрозу и скорее всего будет наказана, но с ужасом поняла, что на нее стали накатывать волны удовольствия – ведь все это время Феллер не останавливался.

– Смотри на меня!

– ...ненавижу...

– Смотри на меня!

Карифа застонала. И закрыла глаза, чтобы не видеть улыбающегося А2. И снова застонала... тяжело задышала, послушно отзываясь на его движения... И «улетела». Взорвалась внезапно и бурно, неожиданно для себя и так сладко, что затряслась от наслаждения. Взорвалась, как никогда раньше: с криком, царапая мужчину ногтями, взорвалась, едва не потеряв сознание.

А2 сбавил напор. Остался в девушке, но перестал действовать агрессивно. Выдержал короткую паузу, затем наклонился, неспешно расстегнул блузку, провел рукой по ее шее, спустил бретельки лифчика с плеч и освободил полные гру-

ди с крупными, почти черными сосками. Улыбнулся, поласкавал их, затем стер кровь со своей разбитой губы и заставил Карифу облизать палец. Стянул с себя рубашку, не расстегивая, через голову, обнажив мускулистый торс, и Карифа увидела висящую на его груди серебряную монету на тонкой черной веревочке.

Придя в себя, она не отрываясь смотрела на Феллера.

– Мне продолжить?

– Да, – прошептала девушка. Проклиная себя. Надеюсь, что мужчина не остановится.

– Скажи громче, – велел А2.

– Продолжай... пожалуйста...

Карифа крепко сжала его предплечье.

– Хорошо.

Он вышел, вызвав у девушки недовольный стон, уверенным жестом перевернул Карифу на живот, поставил на четвереньки и вошел сзади. Начал двигаться – неспешно, похозяйски, снял с Амин блузку, расстегнул и отбросил в сторону лифчик. Потом велел:

– Посмотри направо.

Девушка послушно повернула голову и увидела себя, точнее – их. Увидела мужчину, только что унизившего ее, как никогда в жизни, и подарившего невероятное наслаждение, увидела себя, потную, послушную, уже довольную и ожидающую большего, и замерла, услышав:

– Ты очень красива.

И улыбнулась.

А через несколько мгновений вновь «улетела», и вновь – неожиданно для себя, потому что никогда раньше ей не удавалось так быстро повторить оргазм. И не только «улетела», но, кажется, на некоторое время потеряла сознание, потому что следующее, что Карифа запомнила, была фраза:

– Пойдем в душ.

А2 взял ее за руку, помог подняться и отвел в душ, и там, под мощными струями, взял ее в третий раз, наконец-то разрядившись и доведя Карифу до очередного оргазма.

Потом они помыли друг друга, потом он вытер девушку мягким полотенцем, набросил на нее халат и отнес в спальню, где их ожидало холодное вино – розовое, из Кротоне, и легкие закуски. И в каждом жесте, в каждом движении А2 Карифа чувствовала нежность и заботу. Он усадил ее на подушки и подал бокал с холодным розовым, а когда она выпила – жадно, в три глотка, – наполнил бокал повторно. После чего уселся рядом, скрутил и раскурил сигарету.

– Это табак? – спросила Амин, принюхиваясь к растекшемуся по комнате аромату.

– Да, – ответил Феллер, всем видом давая понять, что федеральный закон «О некоторых видах растительного яда» его никоим образом не касается.

– Можно попробовать?

– Попробуй, – он сделал затяжку, после чего поднес сигарету к губам девушки.

– Крепкая, – она закашлялась.

– Не советую привыкать.

– А ты привык?

– Да.

Амин помолчала, а затем неожиданно спросила:

– Можно я докурю?

Он молча отдал ей сигарету, подвинул ближе пепельницу и принялся сворачивать вторую самокрутку.

– Наедине можешь называть меня по имени или А2. На людях – только мистер Феллер.

Она кивнула, не зная, что на это можно ответить.

– Твое имя пока менять не станем. Во-первых, мне очень нравится, как звучит Карифа, оно тебе подходит. Во-вторых, в ближайшие месяцы ты останешься в официальной структуре GS, но одновременно будешь числиться офицером отряда «Sputnik», что даст тебе больше возможностей для маневра.

– Зачем я тебе? – Огонек обжег пальцы, и Карифа бросила окурок в пепельницу.

– Я собираюсь поставить на уши планету и подбираю команду, – ответил Феллер. – Работы будет много, а сегодня тебе придется много услышать и много запомнить.

– Ты мне уже доверяешь? – Амин постаралась, чтобы в голосе было слышно удивление.

– Ты скажи, могу я тебе доверять или нет? – предложил А2, глубоко затягиваясь самокруткой. Табак у него был

крепким, но ароматным, Карифе он нравился. – И?

Она помолчала, а затем коротко кивнула.

Он улыбнулся, обнял девушку за шею и притянул к себе.

* * *

Бруклин США, Нью-Йорк апрель 2029

– Комиссар Абура подтвердил, что следователи NYPD¹⁶ считают субботний расстрел результатом противостояния банд и что его целью было устранение известного гангстера Сечеле Дога по кличке Крокодил. Однако по нашим данным, смерть Крокодила стала полной неожиданностью для его конкурентов и, наоборот, спровоцировала уличные бои, идущие сейчас по всему Проспект Хайтс...

На большом экране настенного коммуникатора появилось свежее видео из зоны столкновений: горящие машины – легковые, грузовые и автобусы, разбитые окна и витрины, валяющиеся на мостовой вещи – мародеры занялись грабежами после первого же выстрела, – и, конечно же, трупы. Боевики Крокодила отчаянно защищали владения банды, но на их территорию вошли сразу три конкурирующие группировки, а поскольку полиция предпочла не вмешиваться, все понимали, что сражение не затянется.

– ...в настоящее время остатки банды Сечеле с трудом

---

¹⁶ NYPD – департамент полиции Нью-Йорка.

удерживают свой последний квартал, штурм которого задерживается из-за вспыхнувших между победителями разборок.

Конкуренты были заинтересованы в захвате как можно большей освободившейся территории и затеяли грызню, даже не добив людей Крокодила.

На коммуникаторе вновь появились кадры горящего района, и сидящие в баре люди одновременно поморщились: война развернулась всего в нескольких кварталах к востоку и грозила захватить их дома. А вместе с ними поморщился и Бен, который никак не ожидал, что его месть взорвет размеренную жизнь нью-йоркских гангстеров. Тем не менее Орк ни о чем не жалел: он сделал то, что решил, и так, как решил. Он расплатился. И остался безнаказанным.

– Наш источник в департаменте полиции предполагает, что для устранения Крокодила конкуренты наняли высококлассного профессионала, использовавшего современное военное оборудование...

– Надоело на это смотреть! – подал голос сидящий в углу мужик в красной бейсболке. – Будто в окно пялюсь.

– Кому нужна эта прямая трансляция? – поддержал его сосед, чей истинный облик скрывала высококлассная «обложка» мультяшного гнома: курносого крепыша с длинной, завязанной косичками бородой. Парень выдерживал образ полностью, даже в одежде, показывая окружающим классическое одеяние гномов, но наноботы на левой ноге истер-

лись, и вместо черного сапога с массивной золотой пряжкой окружающие видели потертый кроссовок.

– Давайте посмотрим что-нибудь другое!

Остальные посетители поддержали «гнома» и «бейсболку», Орсон решил не выделяться и обратился к оказавшемуся рядом бармену:

– Включи спортивный канал.

– Который?

– Гоночный.

– Хочешь посмотреть GA1000¹⁷?

– Через десять минут начнется Гран-при Индии.

– На кого поставил? – заинтересовался бармен.

– На Крауча, – ответил Бен.

– Разобьется, – произнес красная бейсболка с такой уверенностью, что заставил Орка изумленно вскинуть брови:

– Почему?

– Мой попугай сегодня произнес «Крауч», а это верный знак, что он разобьется, – убежденно объяснил мужик. – Попугай перед каждым стартом называет тех, чьи кости будут валяться на трассе. Ни разу не ошибся, стервец.

– Лучше бы он называл имена победителей, – проворчал «ГНОМ».

«Бейсболка» и сидящие вокруг мужики громко засмеялись.

Несколько лет назад большие автомобильные гонки нача-

---

¹⁷ GA – Grand Auto.

ли стремительно терять популярность и, как следствие, рекламодателей. Всемирно известный бизнес умирал на глазах, но владельцы поставили у руля GA1000 гениального Джимми Беккербаума и угадали. Рецепт спасения оказался прост. Во-первых, Джимми начал проводить гонки каждое воскресенье, оставив без шоу только рождественские каникулы. А во-вторых, намного снизил требования к безопасности, выкинув из машин роботизированные системы управления, продвинутые компьютеры, а самое главное – блоки технической безопасности и спасения пилотов. И люди, которым надоело наблюдать за развлекающимися миллионерами, вновь прильнули к экранам: потому что теперь миллионеры имели все шансы разбиться насмерть. В гонки вернулся дух опасности, за руль болидов – настоящие сорвиголовы, готовые погибнуть ради победы, и медийный рейтинг GA1000 вновь стал соперничать с Олимпиадой и Чемпионатом мира по футболу.

– Крауч не разобьется, – твердо произнес Орсон, делая большой глоток пива. – Он хороший гонщик.

– Крауч грязно катается, – не согласился бармен.

– Там все такие.

– Грязно!

– Из-за Крауча разбился аль-Сакаби, – подал голос «красная бейсболка».

– Это гонка, – пожал плечами Орсон.

– Одно дело кататься агрессивно, и совсем другое – грязно.

но, – выдал «ГНОМ».

Бармен и мужики были готовы спорить до хрипоты, доказывая Бену, что самый очевидный претендент на чемпионство идет к своей цели по головам соперников, но кто-то крикнул:

– Начинается! – И в баре установилась тишина.

Болиды выстроились на старте, дождались зеленого сигнала и рванули так, словно за ними гнались налоговые инспекторы. За славой и богатством. На огромной скорости, несмотря на то что их пилоты знали, что могут не добраться до финиша.

– Парни, я поставил сотню на Назимуддина и готов подержать пари.

– Первым будет Сахим!

– А я поддержу: Назимуддин должен сегодня победить!

В баре сформировался мини-тотализатор. Орк улыбнулся, слушая горячие речи болельщиков, и сделал еще один глоток пива.

Ему здесь нравилось. Хотя... Не надо лгать: Орсону доводилось бывать в барах и получше, но с недавних пор они для Бена закрылись, а на дверях «AllSport For Oldbug» отсутствовала табличка:

«No Country For Oldbug!»

...которая стала весьма популярной в последнее время. И

которую не считали дискриминационной, согласно закону о праве на безопасность личного пространства.

Все дело в красных цифрах «42» над головой.

В проклятых красных цифрах...

– Крауч не разобьется, – неожиданно произнес подошедший к стойке мужчина. Перехватил удивленный взгляд Орсона и объяснил: – Я краем уха слышал ваш спор.

И присел на соседний табурет.

– Крауч слишком хорош, – помолчав, ответил Орк.

– Но сегодня ему не выиграть, – продолжил мужчина и тут же, без всякой паузы, протянул руку: – Меня зовут Фрэнк Лейка.

Он производил приятное впечатление: высокий, светло-волосый, с открытым взглядом, явно воспитанный и знающий, как вести себя в обществе. И казался бы очень успешным, не будь над его головой двух красных цифр: «44». Но при этом Фрэнк лучился искренней доброжелательностью, и отвергнуть протянутую руку было невозможно.

– Очень приятно, Бен.

– От Бенджамин?

– А какие могут быть варианты?

Лейка смущенно улыбнулся:

– Пожалуй.

В нем все было хорошо, кроме одежды – слишком дорогой для бара «AllSport For Oldbug». На всех его шмотках стояла малозаметная, но веская метка «original», Лейка поку-

пал их в солидных магазинах для верхнего эшелона среднего класса, а значит, скорее всего был адвокатом или врачом. А таким людям нечего делать в дешевом бруклинском заведении, неподалеку от которого идет война банд.

Бармен подал кружку темного пива, Фрэнк поднял ее и, глядя Орку в глаза, произнес:

– За знакомство.

– За знакомство, – кивнул Бен, делая глоток. Он предпочитал светлое.

– Ты, похоже, совсем недавно отпраздновал свой самый главный день рождения?

– Это который suMpa? – уточнил Орсон.

– Да.

– Недавно. – Сделал еще глоток и улыбнулся: – Заметно?

Лидером гонки, к огромному изумлению зрителей, оказался Сахим, искусно подрезавший на старте Крауча, но поскольку только-только начался четвертый круг, получалось, что вся борьба впереди, и Орк решил, что может отвлечься на разговор.

– Видно, что ты еще не привык к новому положению, – ответил Фрэнк.

– А ты?

– Мне сорок четыре. Как видишь, держусь. – Лейка сделал паузу и с неожиданной угрюмостью добавил: – Во всех смыслах.

Подразумевая и противостояние с миром, и то, что до сих

пор не взорвался.

– Поздравляю, – буркнул Бен, не зная, что еще сказать.

Крауч шел третьим, он проиграл старт, уступив еще и Назимуддину, и только теперь принялся искать возможность для атаки.

– Мы здесь надолго?

К Лейке подошла стройная темноволосая девушка, одетая в элегантную блузку, джинсы и, неожиданно, туфли на высоком каблуке. Волосы у девушки были густыми и довольно длинными, до плеч, но не черными, как изначально подумал Орк, а темно-каштановыми; глаза – зелеными... ну, возможно, зелеными, во времена наноэкранов подлинный цвет всегда остается загадкой, но глаза у девушки были красивыми и казались настоящими. Лет ей, навскидку, было не больше двадцати пяти.

– Хочешь досмотреть гонку здесь? – Красавица слегка растягивала слова, что выдавало уроженку южных штатов.

– Почему нет? – улыбнулся Лейка, кивая на пиво. – Здесь весело.

– Тогда я посижу в Сети.

– Сколько угодно.

Девушка вернулась за столик – за ней, без преувеличения, наблюдал весь бар, – и лишь затем Бен поинтересовался:

– Подруга?

– А если скажу, что дочь?

– Дочь такого возраста ты отвел бы в ресторан, а не в де-

шевый бар.

– Над моей головой две красные цифры: «4» и «4», – напомнил Лейка. – Разве такая красавица согласится стать моей подругой?

– Может, ей нравится рисковать?

– Гм... – Фрэнк помолчал, сделал еще глоток пива, посмотрел на экран: у Крауча по-прежнему ничего не получалось с атакой, и ответил: – Беатрис – дочь моих старых друзей. Она недавно в городе, вот и показываю ей, что к чему.

– Она не боится ходить с тобой?

– Она знает, что должна убежать при первых признаках суМра.

– Смелая, – оценил Орк. – Меня не всякие проститутки обслуживают, а знакомые женщины перестали отвечать на звонки.

– Известная история.

Кажется, Лейка хотел поделиться личным опытом, но не успел.

– Что тебе от меня нужно? – резко спросил Бен. Одновременно он бросил на собеседника быстрый взгляд, увидел то, что ожидал, – мгновенную растерянность на лице, подтвердившую его подозрения, и улыбнулся.

– Ничего, – ответил Фрэнк.

– То есть мне показалось?

– Просто решил тебя поддержать.

– У тебя получилось, – с прежней резкостью бросил Бен

и отвернулся.

Показывая, что в таком случае разговор окончен.

– Черт... – Лейка хлебнул пива.

Прошло с полминуты. Орсон продолжал молчать, спокойно глядя на коммуникатор, и Фрэнку ничего не оставалось, как продолжить разговор:

– У меня действительно есть дело.

– Тебе удалось меня удивить, – саркастически отозвался Бен.

– Неужели я настолько плохой актер?

– «Оскар» тебе не светит.

– Не надеялся, но все равно грустно, – Френк снова умолк, но на этот раз пить не стал. Повертел кружку по стойке, подобрал нужные слова и негромко произнес: – Парни говорят, что ты – бывший военный.

– Раньше я не видел тебя в этом баре.

– Мне позвонили.

– Кто?

– Какая разница? – Он вздохнул и наконец-то перешел к делу, ради которого явился в дешевый бар. – Ты не считаешь, что олдбагам имеет смысл держаться вместе?

– Зачем?

– Чтобы чувствовать себя нормальными, – развел руками Лейка. – С кем еще, если не со своими?

– Хочешь организовать профсоюз?

– Профсоюз, лигу, партию – не важно. Важно то, что нас

выбрасывают на помойку, а мне это не нравится... – Орсон хотел вклиниться в речь собеседника, но тот не позволил себя перебить. Возможно, он действительно был адвокатом: – ...важно то, что нас назвали опасными и постепенно лишают законных прав. А самое важное то, что нам даже не рассказывают о suMра.

– Это вирус, – пожал плечами Орк. – Чего тебе еще нужно знать?

– Подробности.

– Какие?

– Ты действительно не понимаешь?

– Ты еще ничего не сказал.

– Говорить я буду потом, а сегодня хочу, чтобы ты по-настоящему задумался над происходящим.

– Меня уволили, – жестко бросил Орсон. – И сейчас я должен по-настоящему думать о том, как прожить остаток дней, потому что на усеченную пенсию особо не разгуляешься. – Он повернулся к стойке: – Еще кружку...

И, договаривая последнее слово, увидел на лице бармена страх.

«Черт!»

Потому что с таким страхом на него могли смотреть только по одной причине. По одной-единственной гребаной причине – он взорвался.

«Вот и все...»

Быстрый взгляд в зеркало подтвердил опасение: глаза

Бенджамин залила мерцающая ртуть.

«Но почему я не чувствую агрессии?»

– Его накрыла suMpa! – рявкнул бармен.

Фрэнк метнулся прочь, а Крауч как раз собрался атаковать идущего вторым Назимуддина. На индийской трассе назревала интереснейшая схватка.

В баре «AllSport For Oldbug» – тоже.

– Со мной все в порядке! – громко произнес Орк, разворачиваясь к залу.

– Мы так не думаем, – отозвался «красная бейсболка».

– Но ведь он не стреляет, – заметил «гном».

– У него нет оружия.

– Почему он не бросается на нас?

– Возможно, вирус еще не подействовал.

– А глаза?

– Я никому не хочу зла, – Бенджамин постарался, чтобы его голос прозвучал спокойно и проникновенно. – Я не чувствую агрессии, я хочу уйти.

– Куда?

– Не знаю, – честно ответил Орсон. – Сейчас я просто хочу уйти.

Посетители молчали. Почти все они были олдбагами, понимали, что могут в любой момент оказаться на месте Орка, и не хотели атаковать своего... Да, именно своего. Посетители ждали, что атакует он, и оказались смущены неожиданным спокойствием Орсона.

Бен сделал шаг к двери, боком, не выпуская из поля зрения застывших олдбагов, услышал, что Крауч начал атаковать Назимуддина, а в следующий миг – шорох за стойкой: бармен полез за оружием.

«А может, так будет лучше?»

Он пропустит шорох мимо ушей, не повернется, бармен достанет дробовик, и все закончится. Он последует по привычной для взорвавшихся олдбагов дорожке и наконец-то встретится с Сарой, которая безусловно простит его за все, что он успел натворить, и они...

Крауч протискивается мимо Назимуддина, обходит его на полкорпуса и рвется к Сахиму.

Слабость длится недолго – доли мгновения, потом привычка сражаться, а точнее – неумение сдаваться, берет верх и не позволяет принять поражение. Орк резко поворачивается, перепрыгивает через стойку и бросается к наклонившемуся бармену – тот действительно вытаскивает дробовик. Три быстрых шага, бармен начинает поднимать оружие, но не успевает: Бен «помогает» ему продолжить движение, стремительно ведет дробовик вверх, выворачивая из рук бармена, а самого его бьет ногой в живот.

На все – меньше трех секунд.

Назимуддин раздосадован и взбешен, он прибавляет, желая вернуть утраченное преимущество, и слишком резко входит в поворот, где уже ведут борьбу Крауч и Сахим.

Орк разворачивается, стреляет в воздух, и те двое, что

бросились на помощь бармену, застывают, не добежав до стойки. А остальные и не двигались.

Кто-то шепчет:

– Теперь у него оружие.

И в баре сгущается атмосфера страха. Теперь они по-настоящему напуганы и ждут, когда начнется стрельба.

– Я все еще себя контролирую! – кричит Орк.

– Отпусти нас.

– Не убивай!

Снаружи воеет полицейская сирена.

А на индийской трассе – жуткое столкновение. Великий Крауч почти проскочил Сахима, но раздосадованный и горячий Назимуддин решает воспользоваться моментом и подрезает бывшего лидера. Сахим изо всех сил старался избежать столкновения, но физика неумолима: размеры болидов, ширина трассы, скорость, вектор... Машины сталкиваются, болид Сахима закручивается и бьет почти проскочившего Крауча. Назимуддин врезается в отбойник и взрывается, идущий четвертым Хуссейн не успевает отвернуть, бьет Сахима, а затем летит в костер Назимуддина. Крауч выпрыгивает из покореженного болида и бежит прочь. К нему присоединяется Сахим. Появляются пожарные. Зрители в экстазе...

– Убирайтесь! – хмуро приказывает Бен.

Посетители наперегонки мчатся к двери, за ними торопится прихрамывающий, держащийся за живот бармен, Орсон вынимает из-под стойки коробку с патронами, распахивает

вает их по карманам и слышит с улицы:

– Это полиция! Выходите с поднятыми руками!

Резко вскидывает оружие и стреляет в залетевший дрон. Раздается негромкий взрыв, а с улицы – отборная брань: полицейские забыли отключить мегафон.

Орк знает, что у него тридцать, может, сорок секунд, после чего насядут подоспевшие дроны, и бежит на кухню. Единственный шанс – задняя дверь, затем в переулок, затем под землю, в outG, туда, где нет проклятой всевидящей ar/G. Домой нельзя: Сеть мгновенно считывает взорвавшихся олдбагов, и он уже объявлен опасным.

«Хорошо, что ничего ценного я в квартире не хранил...»

Он потеряет только пенсию и возможность выходить на поверхность.

«Ладно, разберемся! Главное, что я до сих пор сохраняю рассудок!»

Факт действительно казался невероятным, но в те мгновения Бен о нем особенно не задумывался – он спасался.

Кухня, затем задняя дверь, затем грязный переулок, заставленный вонючими мусорными баками, тонкая гниющая кишка, в которую заведения сбрасывают все, что не пригодилось. Дверь в подвал, которую Бенджамин подобрал на случай бегства, находится справа, он поворачивается, делает шаг и оказывается в поле зрения полицейского дрона. И вновь успевает первым: выстрел из дробовика сбивает машину до того, как оружие дрона заговорило.

– Сюда! – В двери, но не той, которую он заметил для бегства, а в ближайшей, которую он в свое время не сумел открыть, стоит девчонка в элегантной блузке, джинсах и дурацких туфлях. – Сюда! Скорее!

Орк понимает, что через пару секунд в переулок залетит следующий дрон, но не может не спросить:

– Зачем?

– Я помогу!

– Я взорвался!

– Поэтому и помогу! – Девчонка начинает злиться. – Скорее, кретин!

И Бенджамин идет на риск: ныряет в незнакомую дверь, которая оказывается мощной, стальной и с грохотом захлопывается за его спиной, затем спускается по темной лестнице, быстро проходит футов тридцать по коридору и вновь начинает спускаться. Все это – вслед за девчонкой с густыми темно-каштановыми волосами.

Через минуту они оказываются там, куда не добивает ar/G, еще через пятнадцать – двумя уровнями ниже и в паре кварталов севернее. Там запыхавшаяся девчонка останавливается, знаком давая понять, что ей нужно отдохнуть, несколько секунд молчит, приводя дыхание в порядок, а затем говорит:

– Меня зовут Беатрис.

Протягивает руку и улыбается.

Федеральная башня «Бендер» США, Нью-Йорк апрель 2029

Мир не стоит на месте, не засыпает и не ждет опоздавших. Мир все время движется, и абсолютно каждое событие меняет мир, делает его другим: варишь ли ты утренний кофе, изобретаешь лекарство от рака или взрываешь поезд с невинными людьми во имя целей, которые станут смешными через пару лет, – абсолютно каждое событие делает мир иным. Только одни из них остаются незаметными мазками на общей картине, а другие расплываются в центре холста гигантским пятном. Которое вскоре скроется под другим пятном или бесчисленными мазками. Колесо Времен неумолимо, оно споткнулось только раз – на Пирамидах, но больше осечек не давало, сминая в пыль все, что не могло бежать впереди него: империи и цивилизации уходили в небытие, чтобы на их обломках возникали новые, полные огня и жизни. Мир не стоит на месте, не засыпает и не ждет опоздавших, и Карифе Амин повезло узнать, что за перемена случится с ним в ближайшее время, какая часть мира обратится в пыль и что возникнет на ее месте.

Карифа Амин оказалась в числе тех, кто толкает мчащуюся перед Колесом Времен тележку.

Она вернулась в Нью-Йорк на личном самолете Фелле-

ра, но вернулась одна, А2 срочно отправился в Гонконг – на другом своем самолете. Впрочем, Карифа была этому рада, поскольку отчаянно нуждалась в нескольких часах одиночества для приведения мыслей в порядок. Чтобы до конца осознать, во что она влипла, как изменился привычный мир и как сильно ему еще предстоит измениться.

В JFK ее встречали помощники А2: забрали багаж, отдали ключи от черного, как настоящий дракон, и совершенно сумасшедшего «Mustang 5000» с форсированным двигателем и отключаемым роботом, позволяющим переходить на ручное управление. Карифа мечтала о такой машине всю жизнь, но могла себе позволить только симулятор в «балалайку» и едва не сошла с ума от счастья, услышав, что «Mustang 5000» оформлен на одну из компаний Феллера, и она может распоряжаться великолепной машиной по своему усмотрению. Помощники сообщили, что в «Бендере» ее ожидает директор Митчелл; Амин поняла, что лучший способ проверить автомобиль в деле – домчаться до штаб-квартиры GS как можно быстрее, и поставила рекорд скорости, одновременно собрав сумму штрафов, равную годовому бюджету какой-нибудь восточнославянской страны.

В небоскреб Карифа вошла счастливая, как школьница, с ошалелой улыбкой, которую сумела стереть с лица лишь перед дверями кабинета.

– Позвольте поздравить вас с повышением, специальный агент Амин, – произнес Митчелл, когда Карифа расположи-

лась в предложенном кресле.

– Благодарю за оказанное доверие, директор...

Она хотела вежливо закончить фразу, но второй находящийся в кабинете мужчина – высокий худой англичанин с аккуратно уложенными волосами и породистым лошадиным лицом – неожиданно спросил:

– Вы всегда столь официальные?

И девушка запнулась. Вопросительно посмотрела на Митчелла, тот улыбнулся, давая понять, что можно отвечать, и лишь после этого произнесла:

– Нет, – сухим, официальным тоном.

Мужчина коротко рассмеялся. Он был одет в элегантный костюм, белоснежную сорочку, клубный галстук... другими словами, выглядел так, словно только что сошел с рекламного плаката роскошной жизни. И по тому, как он держался, стало ясно, что Митчелл ему не ровня.

– Девушка смущена, – последним участником совещания оказалась красивая светловолосая женщина в строгом черном костюме. Она сидела в кресле директора, буквально уютнувшись в нем, рассчитанном на крупного мужчину, и Карифа не сразу ее заметила. Но на фразу среагировала:

– С чего вы взяли?

– Вижу, – незнакомка умела отвечать коротко, но при этом законченно.

Мужчины заулыбались, Карифа поняла, что продолжать спор бессмысленно, и честно ответила:

– Не уверена, что меня повысили.

И поняла, что угадала: женщина чуть склонила голову, показав, что довольна услышанным, после чего посмотрела на мужчин и тихо спросила:

– Она еще не знает?

– Получается, нет, – сообщил дорогой костюм.

– О чем я не знаю? – настороженно поинтересовалась Карифа, медленно оглядывая собеседников.

– Прежде чем я расскажу, агент Амин, позвольте вам представить Ларису Томази и мистера Арчера, – медленно произнес Митчелл, по очереди указывая на женщину и дорогой костюм. – Как вы наверняка догадались, перед вами коллеги мистера Феллера по сложному делу стратегического инвестирования в экономику Земли.

Люди, богатство которых позволяло вкладывать средства не в отдельные предприятия, а в целые отрасли, развивать новые направления экономики и оказывать влияние на всю цивилизацию.

– Что же касается того, о чем вы не знаете, агент Амин, то дело в следующем: достигнутая с мистером Феллером договоренность включает ваше назначение на должность специального заместителя директора GS.

– Поздравляю, – улыбнулась Лариса.

Мистер Арчер промолчал.

Столь стремительный карьерный взлет не способен оставить равнодушным даже самого выдержанного человека, од-

нако реакция на него следует разная: одни теряют голову от счастья, другие ищут в происходящем подвох. Карифа относилась ко второй группе.

– Что это означает? – поинтересовалась она, глядя директору в глаза.

– Вы будете курировать проект «Elysium» со стороны GS, как того хочет мистер Феллер. – Многозначительная пауза. – Под моим личным руководством.

Митчелл обошелся намеками, но Карифа прекрасно поняла, что он имеет в виду и что делают стратегические инвесторы в наглухо экранированном кабинете директора GS. Интриги, о которых предупреждал А2, начались: девушку взяли в оборот.

– Услышав ваше предложение... еще там, в Калифорнии, которое затем было подтверждено мистером Феллером, я сразу задумалась над тем, с чем я останусь по завершении проекта «Elysium»... – протянула Карифа, продолжая смотреть Митчеллу в глаза. – Я перейду в отряд «Sputnik»?

– Вам бы этого хотелось? – поднял брови директор.

– Не уверена, что это мой потолок, – честно ответила девушка.

– Она мне нравится, Арнольд, и я понимаю, чем она понравилась Феллеру, – рассмеялся мистер Арчер. – Дерзкая и не дура.

Лариса на этот раз промолчала.

– А какой потолок вы считаете своим, агент Амин? –

вкрадчиво осведомился Митчелл.

– Будем откровенны, господин директор, перед офицерами отряда «Sputnik» стоят весьма специфические задачи, для решения которых требуется не только ум, но и сила, – ровным голосом ответила девушка. – И не будем забывать о возрасте suMpa, которого я рано или поздно достигну. Меня ждет ранняя отставка, и я хочу покинуть службу с высокой жердочки.

– Например?

– Первый заместитель директора GS.

– Почему вы решили, что мы можем предложить вам этот пост?

– Вы уже подняли меня на этот уровень в силу заключенной договоренности, но подняли временно, – ответила Карифа. – При этом хотите, чтобы я предала Феллера.

Митчелл улыбнулся, но ничего не сказал, косвенно подтвердив, что Амин правильно поняла намек.

– Я назвала цену, – закончила Карифа.

– Я ведь сказал: не дура, – громко произнес Арчер.

– А2 не терпит рядом с собой дураков, – отозвалась из кресла Томази.

Однако на этом комментарии прекратились. Сотрудники GS продолжили буравить друг друга взглядами, а вот Арчер поднялся, сходил к бару и принес бокал белого вина Ларисе. Но только ей.

– Агент Амин, поскольку в настоящее время вы уже яв-

ляетесь действующим офицером отряда «Sputnik», ваше назначение специальным заместителем стало возможным в результате долгого торга между заинтересованными сторонами, – рассказал Митчелл. – По существующим правилам, близкие помощники стратегических инвесторов не имеют права занимать руководящие посты в GS.

– После разговора с А2 вы наверняка осознали важность проекта «Elysium» для всей планеты, – подал голос мистер Арчер. – А2 придумал «Elysium», А2 его ведет, поэтому вправе рассчитывать на некоторые поблажки, необходимые для оперативной поддержки проекта. Но мы должны контролировать людей, которых контролирует А2.

Лариса сделала глоток вина и улыбнулась:

– Видишь, как все запутано?

– Но зачем вам контролировать людей, которых контролирует Феллер? – слегка наивно поинтересовалась Амин.

– Затем, что проект «Elysium» обещает абсолютную власть и не может принадлежать одному человеку. Проект «Elysium» – собственность всех стратегических инвесторов, – объяснил Арчер. – Мы тщательно следим за его развитием и не допустим усиления Феллера.

– Тогда почему вы согласились сделать меня заместителем директора?

– Потому что в настоящий момент А2 относительно безопасен, – легко ответила Томази. – Он рассказал тебе, что является последним представителем клана?

– Мы об этом не говорили, – обронила Карифа, поняв, что собеседникам прекрасно известно, чем они с А2 занимались в пентхаусе помимо работы.

– Родственники у него есть, но прямые наследники отсутствуют, – продолжила Лариса. – А2 не женится и не использует замороженный материал.

– Я могу узнать, что с ним случилось?

– Зачем? – хрюкнул Арчер.

Но Томази почему-то решила ответить на вопрос. Она показала Митчеллу, что в ее бокал следует долить вина, и продолжила:

– Феллеру принадлежит один из островов Сейшельского архипелага, и когда-то он представлял собой великолепное поместье. Иногда А2 бросал все дела и улетал в свой далекий дом на пару дней или неделю – просто провести время. Он обожал тот остров... – Лариса дождалась, пока директор GS добавит вина, кивком поблагодарила его и сделала маленький глоток. – Однажды А2 собрал в своем любимом доме всю семью, чтобы отпраздновать день рождения старшей дочери – наследницы, в которой он души не чаял, и именно в тот день случилось Дикое Цунами... Помнишь его?

– Семь лет назад, – кивнула Карифа.

– В тот день погиб весь клан Феллеров: отец А2, жена, две дочери, сын, брат с женой, племянница... Сам А2 едва спасся и до сих пор не может себе этого простить, – Лариса медленно провела пальцем по подлокотнику кресла. – Вот

так.

– Почему я ничего не слышала об этой истории? – растерянно спросила Амин.

– Потому что информация о стратегических инвесторах не просачивается в открытый доступ, – хмуро ответил Митчелл. – Публике предназначены сексуальные и коррупционные скандалы и прочий информационный мусор, который плодят медийные персоны. Да и кому интересна личная жизнь владельца инвестиционного фонда с неброским названием?

– Но А2 известен, он владеет «Iris Inc.».

– Тогда корпорация не была столь знаменита.

– Вы удовлетворили свое любопытство? – осведомился мистер Арчер.

– Еще один вопрос, – попросила Карифа. – Если можно – к вам.

– Да?

– Почему вы так сильно не любите Феллера?

Митчелл вздрогнул, Лариса беззвучно произнесла: «Вау!» и улыбнулась, а мистер Арчер, к безмерному удивлению девушки, слегка покраснел и дернул щекой. Но тем не менее ответил:

– Как вы знаете, агент Амин, управление толпой можно условно разделить на две части: вы, то есть GS, армия, полиция и все остальные силовые структуры, плюс юстиция, налоговая, система исполнения наказаний и прочий аппарат

подавления. Вторая категория – пропаганда. То есть воздействие на ум людей, что в подавляющем большинстве случаев работает куда эффективнее насилия. Моя семья исторически владеет инвестиционным фондом «Violet», в котором сосредоточены основные активы изрядной части мировых медийных корпораций, и до недавнего времени именно я осуществлял управление толпой в интересах инвестиционных фондов. А2 перехватил мои обязанности, точнее, он не покусается на медийные активы, но проект «Elysium» выводит управление толпой на принципиально иной уровень. А2 изменяет мир, в результате этих изменений я теряю позиции.

– И хотите забрать у Феллера «Iris Inc.»?

– Мне не позволят, – спокойно ответил мистер Арчер, покосившись на Ларису. – Но я хочу занять место во главе проекта «Elysium», а не в дальнем конце стола.

– Я сто раз говорила, что медиа сохранят свои позиции, – негромко произнесла Томази. – Пропаганда нужна при любой системе управления.

Но Арчер не ответил. И коротко кивнул директору GS, давая, как через секунду поняла Карифа, ответ на ее вопрос.

– Ваше предложение сочтено разумным, агент Амин, – ровным голосом произнес Митчелл. – После запуска проекта «Elysium» вы покинете отряд «Sputnik» и станете моим первым заместителем. Нам в любом случае придется обновлять штат руководящих сотрудников.

– То есть я могу рассчитывать и на ваше кресло?

– Скорее всего я уйду в сенат, – кивнул Митчелл. – Так что да, агент Амин, вы можете рассчитывать на мое кресло.

– Но до этого далеко, – заметила Томази. – Хотя не скрою: впечатление вы производите отличное.

– Где гарантии, что вы сдержите слово?

– Вам придется рискнуть, агент Амин.

– Не совсем так... – поморщился мистер Арчер. – Карифа, ваша гарантия – это возраст suMpa, который рано или поздно заставит нас перетряхнуть руководство GS. Если вакцина не будет найдена, а между нами говоря, нет никакой надежды на ее появление в ближайший год, нам придется провести перестановку во всех структурах, в том числе – в GS, и вы, как человек верный, преданный закону и отличный профессионал, сможете рассчитывать на высокое кресло. Я даю слово, что вы точно станете первым заместителем директора GS. Насчет остального пока не будем торопиться: я надеюсь уговорить Арнольда пробыть на посту еще пару лет.

– А где гарантия, что я буду честна с вами?

Лариса достала из сумочки портсигар, вытащила тоненькую черную сигарету и щелкнула зажигалкой. По кабинету поплыл запах ароматного табака. Мужчины переглянулись, после чего Митчелл тихо сказал:

– Мы знаем, что А2 с тобой сделал.

Амин густо покраснела.

– А2 любит доминировать, но в этот раз он ошибся и напрасно решил превратить тебя в послушную, забитую девочку.

ку, – проникновенно произнес Митчелл. – Ты никогда не простишь ему унижения.

Карифа отвернулась, несколько секунд молчала, затем негромко, но достаточно твердым голосом произнесла:

– Проект «Elysium» даст вам абсолютную власть, но вам все равно потребуются преданные слуги. Если вы поднимите меня так высоко, как обещаете, я буду грызть Феллера так, как его никто никогда не грыз. Я буду рвать его на части к вашему вящему удовольствию. И к своему.

Арчер кивнул и протянул агенту Амин руку. Митчелл широко улыбнулся. Лариса глубоко затянулась сигаретой и с безразличным видом стряхнула пепел на пол.

Их было четверо, как и положено в стандартной оперативной группе GS. Три агента в поле: Карифа, Рейган, Захар и отвечающий за техническое обеспечение Конелли. Таких подразделений в GS насчитывалось множество, однако группа Амин входила в структуру Оперативного отдела центрального офиса Службы и действовала по всему миру, являя собой личный инструмент директора Митчелла. Если у GS возникали проблемы с особенно дерзкими преступниками, знающими, как оставаться безнаказанными даже в условиях всевидящего ar/G, Митчелл вызывал Карифу или командира другой подобной группы и с глазу на глаз отдавал

устное распоряжение. После чего спецы «решали вопрос».

В небоскребе «Бендер» Оперативному отделу принадлежало двенадцать этажей и шесть подземных уровней, и именно внизу, в небольшой совещательной комнате рядом с тиром, Карифа любила собирать отряд.

– Всем привет! Вижу, короткий отпуск пошел на пользу.

Командировка агента Амин в Сан-Франциско могла закончиться или ее смертью, или повышением, группу Карифы в любом случае ожидали перемены, и Митчелл распорядился дать сотрудникам время на отдых.

– Я хоть выспался, – честно ответил Конелли, поглаживая лысую голову. – А то с нашей службой не всегда получается.

– Не всегда – это как?

– В прошлый раз мне удалось нормально поспать два года назад.

– Ты тогда тоже был в отпуске, – припомнила Карифа.

– Именно.

Конелли, итальянец с примесью ирландской крови, благодаря которой обрел звучную фамилию, был невысоким, подвижным, пухленьким и веселым. В молодости он мог похвастаться густыми кудрявыми волосами, но те времена давно канули в Лету, и теперь остатки шевелюры наблюдались только за ушами и на затылке, а большая голова итальянца была гладкой и блестящей, как бильярдный шар. В бой Конелли не ходил и считался одним из лучших боевых операторов GS.

– Как можно столько спать одному? – шутливо поинтересовался Захар.

– Доживешь до моих лет – узнаешь.

– Надеюсь, не доживу.

– Тьфу, придурок, не каркай.

– Ты ведь знаешь, что я не суеверен.

А еще Захар был отчаянно смел, но при этом удачлив – и отмахивался, когда говорили, что удача имеет свойство заканчиваться. Его считали сорвиголовой, и мало кто задумывался над тем, что удача Захара – результат расчетливой осторожности, которую он прятал под маской блестящего, победоносного мачо, способного свести с ума любую женщину. Высокий, плечистый Захар действовал на дам убийственно и – по слухам – переспал со всеми красавицами штабквартиры GS.

– Было скучно, – скупо произнесла Рейган, глядя на Карифу в упор.

Амин едва заметно пожала плечами и пообещала:

– Теперь не будет.

– Надеюсь.

Зеленоволосая Рейган отличалась невысоким ростом и крепким сложением, которое она подчеркивала плотно облегающими футболками. Еще она любила татуировки – единственная из всего отряда – и вне службы отличалась дерзким поведением, частенько приводившим к дракам в барах. Из которых мощная Рейган, как правило, выходила победите-

лем.

– Что нас ждет?

– Начиная с этого момента, группа работает только по личным приказам директора Митчелла, обеспечивая оперативное сопровождение сверхсекретного проекта, – рассказала Амин, присаживаясь на краешек стола. – А для того чтобы нам никто не мешал, я получила должность специального заместителя.

Это сообщение вызвало ожидаемую реакцию:

– Поздравляю! – присвистнул Захар.

Конелли выразительно похлопал в ладоши, а зеленоволосяя округлила глаза.

– Должность временная, – прохладным тоном сказала Карифа, давая понять, что перебивать ее не нужно. – Продолжаю: у нас наивысший приоритет и неограниченные средства на расходы.

– Где нужно устроить переворот? – поднял брови итальянец.

– Звучит серьезно, – рассудительно произнесла Рейган. – Теперь скажи, на что ты подписалась?

– Сейчас я не могу раскрыть суть самого проекта, поскольку он засекречен на самом верху, – ответила Амин. – Но полномочия у нас будут широчайшие.

– Что нужно делать?

– Все, что прикажут, – уточнила Карифа, намекая на то, что действовать, возможно, придется без оглядки на закон.

Впрочем, этим она никого не удивила.

– И все? – прищурилась Рейган. – Больше ничего не скажешь?

– Мы будем работать в тесном взаимодействии с «Iris Inc.».

– Ого! – вновь не сдержался Захар. – Проект ведут они?

– Да.

– И он, разумеется, глобальный? – едва слышно осведомилась зеленоволосая.

Амин кивнула, подтвердив, что на ерунду самая известная и самая большая корпорация планеты не разменивается.

– Если проявим себя как следует, они возьмут нас в свою службу безопасности? – продолжил расспросы Захар.

– Тебе разонравилось в GS? – притворно удивилась Карифа, обрадованная тем, что здоровяк прервал Рейган.

– Стать директором мне не грозит, а досрочная пенсия слишком мала.

– Тогда считай, что ты уже в службе безопасности «Iris Inc.».

– Ты серьезно? – растерялся Захар.

– Если нами останутся довольны, мы получим очень хорошие бонусы, – сообщила Карифа, в упор глядя на мрачную Рейган. – Так что начинайте загадывать желания.

– Ты им веришь? – тихо спросил Конелли.

– Да.

– Тогда я в деле.

– Я тоже, – кивнул Захар.

– И я, – после не очень длинной, но хорошо заметной паузы подтвердила Рейган.

– Спасибо, друзья, – с чувством произнесла Карифа. – Я рада, что вы меня не оставили. Тем более что у нас уже есть первая проблема.

– У проблемы есть имя? – немедленно осведомился Захар.

– Бенджамин Орсон, – внятно ответила Амин. – Позывной – «Орк».

* * *

Бруклин outG США, Нью-Йорк апрель, 2029

Каждый охотник хоть раз в жизни задумывался над тем, как поведет себя, став дичью, по следу которой идут бывшие коллеги, опытные спецы, которым приказано догнать и убить... Каждый охотник задумывался над этим хоть раз в жизни, не каждый сумел отыскать ответ, и Орсон искренне радовался тому, что полицейские не успели или не захотели успеть добраться до него, и стрелять пришлось в дронов. Он нанес ущерб муниципальной собственности, но не пролил кровь, и совесть его чиста.

Пока чиста.

Пока...

Орк ожидал, что по дороге Беатрис будет много болтать:

во-первых, потому что женщина, во-вторых, потому что молодая женщина, в-третьих, потому что ситуация располагала, – но спутница удивила. Представившись и бросив: «За мной!», она повела Бенджамина в дебри подземных коммуникаций и не завела разговор, даже когда они пошли рядом по относительно сухому коридору. Беатрис его победила, молчала до тех пор, пока Орсону не надоело, и он, кашлянув, поинтересовался:

– Ноги не стерла?

– Что? – не поняла девушка.

– В туфлях не очень удобно бегать по подвалам.

– А-а... – Беатрис улыбнулась, но при этом, как обратил внимание Орк, не бросила машинальный взгляд на ноги, хотя большинство людей поступило бы именно так. – Привыкла.

– Хорошая подготовка, – оценил Бен.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказал: чтобы бегать и прыгать, как бегаешь и прыгаешь ты, да еще и на каблуках, нужно быть в хорошей форме.

– Я не спортсменка, если ты об этом, просто еще молода.

Она не занималась профессионально – в этом Орк был уверен, однако следила за собой, поддерживая хорошую форму. Но по каким-то причинам не хотела об этом говорить.

– Где Фрэнк? – резко спросил Бен, однако смутить девуш-

ку, как надеялся, не сумел.

– Отправился вперед.

– Куда вперед?

– Туда, куда мы идем.

– А куда мы идем?

– Ты ведь военный, Орк, ты должен понимать, что информацией следует делиться дозированно, – рассмеялась Беатрис. – На каждом этапе сотрудник знает только то, что ему положено знать.

– Ты военная? – прищурился Бен.

– Стараюсь поступать логично, – ответила девушка. – А сейчас логично ничего тебе не говорить.

– Откуда ты знаешь мой позывной?

– Из ar/G, – пожала плечами Беатрис. – Система мгновенно сообщает гражданам о каждом взорванном олдбаге. Я приняла сообщение перед тем, как спуститься под землю.

– Меня ищут?

– Беглецов suMpa очень мало, и их всех убивают в течение первых двенадцати часов.

– Полиция будет тщательно прочесывать подземелья.

– Мы знаем, как пустить их по ложному следу, – обронила Беатрис.

– Ты и Фрэнк?

– Да.

– И как? – заинтересовался Орсон.

– Есть способы.

Он понял, что уточнений не последует, молча прошагал еще с десяток футов, после чего осведомился:

– Не боишься, что я тебя убью?

– А ты собираешься? – в тон ему отозвалась Беатрис, поправляя съехавшую на плечо кофту.

– Все олдбаги – убийцы, – напомнил Бен, машинально отметив отсутствие бретельки лифчика.

– Об этом говорили в новостях?

– Да.

– Как видишь, не все, – с коротким смехом парировала девушка. – Ни в баре, ни сейчас ты ни разу не проявил признаков агрессии. Ты бил и стрелял, защищаясь.

– Откуда ты знаешь про бар? – немедленно уточнил Орк, поскольку видел, что Фрэнк и Беатрис покинули заведение в числе первых.

– Режиссеры FakeNews подключились к внутренним камерам и вели прямую трансляцию, – сообщила девушка. – Они любят проделывать подобные штуки. – Помолчала и добавила: – Ты отлично стреляешь.

– Меня учили.

– Тебя хорошо учили.

– Спасибо.

– И я вижу, что, несмотря на ртуть в глазах, ты не собираешься меня убивать.

Орсон молча кивнул.

И подумал о том, что его спутница прекрасно знает хит-

рости подземной жизни, чувствует себя здесь как дома, возможно, ей даже доводилось есть крыс, но внешне выглядит абсолютно чужой миру outG. Слишком красива и элегантна, с идеальной прической и ухоженными ногтями, ухитрилась не запачкать одежду во время путешествия и единственный раз сама открыла дверь – когда встречала Орка, во всех остальных случаях не мешала Бенджамину идти впереди.

Беатрис была леди и была загадкой, однако обдумать мысль как следует Орк не успел – они добрались до цели путешествия.

Свернули в узкий, очень сырой проход, живо напомнимший вонючий переулок, только без далекого неба над головой, прошли с десяток шагов, остановились, и в тот же миг часть стены сдвинулась, открыв проход в большой, ярко освещенный зал. Все произошло настолько быстро, что Бенджамин на мгновение потерял ориентацию. Через секунду наноэкран отрегулировал зрение, выставив необходимый фильтр, но эту секунду Орк пребывал без защиты.

Однако атаки не последовало.

– Добро пожаловать в клинику, мистер Орсон, – громко и жизнерадостно произнес вышедший навстречу Фрэнк. – Уверен, вам у нас понравится.

– А говорил, что тебе от меня ничего не нужно, – ворчливо припомнил Бен, опуская вскинутый во время временной слепоты дробовик.

– Я обманул, – рассмеялся Лейка. – Но ведь вы все поняли, мистер Орсон, не так ли?

– Догадался, – уточнил Бен. – Точнее, догадался, что ты подсел ко мне не просто так, но до сих пор не понимаю, чего тебе от меня нужно.

– Это легко объяснить, – Фрэнк сделал шаг назад и указал рукой на стену. – Мистер Орсон, прошу вас, посмотрите на себя.

Беатрис встала рядом с Лейкой, и Бену ничего не оставалось, как кивнуть, приблизиться и посмотретья в зеркало.

– Что скажете? – поинтересовался Фрэнк таким тоном, словно залившая глаза Орка ртуть не была достаточным ответом.

– Я покойник.

– Не будем торопиться.

– Почему?

– Потому что, мистер Орсон, нам нужно познакомиться еще раз, – с прежней жизнерадостностью продолжил Фрэнк. – Меня зовут Фрэнк Лейка, по профессии я врач-вирусолог, а замечательная девушка Беатрис ла Мар – мой спонсор. И сейчас вы находитесь в нашей клинике, хоть и подпольной, но оснащенной по последнему слову техники. Уж поверьте на слово.

Бенджамин вопросительно посмотрел на девушку, и Беатрис рассказала:

– Мои родители оказались в числе первых жертв suMpa.

Они оставили хорошее наследство, и я решила потратить деньги на поиск лекарства. В память о них.

Чем медленнее она говорила, тем сильнее чувствовалась южная манера.

– Лекарство ищет весь мир, – заметил Орк.

– Не весь мир, а «Clisanto», которой WHO выдало лицензию на работу с вирусом, – немедленно поправил его Лейка.

– Хочешь превзойти «Clisanto»? – Бенджамин по-прежнему смотрел только на Беатрис.

– Утереть им нос, – дерзко уточнила девушка.

– В первую очередь мы хотим получить ответы, – добавил Лейка.

– Какие? – поинтересовался Орсон. Но взгляд на Фрэнка не перевел. Беатрис это поняла и едва заметно улыбнулась. Кончиками губ.

– Например, почему родственникам не выдают тела?

– Чтобы предотвратить заражение.

– Почему олдбаги агрессивны?

– Потому что вирус воздействует на мозг.

– Почему не агрессивен ты?

Бенджамин осекся. А Лейка и Беатрис переглянулись с довольным видом: они не только подловили гостя, но сделали это самым простым и очевидным образом.

– Федеральный закон запрещает вести исследования suMpa без соответствующего разрешения и устанавливает уголовную ответственность за распространение содержащих

вирус материалов, – медленно продолжил Фрэнк. – Мы его нарушаем. Мы рискуем провести остаток дней в тюрьме ради возможности изучить частички крови, собранной с места преступлений олдбагов, остатков кожи, слюны... Скажу честно: до недавнего времени мы занимались ерундой, копались в мусоре, и ваше появление, мистер Орсон, стало подарком небес.

– Хочешь сделать из меня подопытную крысу? – осведомился Бен.

В ответ Лейка лишь развел руками:

– Мы можем расстаться прямо сейчас, мистер Орсон, вы вольны уйти, если не хотите считать себя подопытной крысой, но все мы понимаем, что в течение двенадцати часов вы станете мертвой подопытной крысой.

– Я неплохо обучен, у меня есть снаряжение, и я сумею продержаться, – с уверенностью, которой у него в действительности не было, ответил Бен.

– Несмотря на замечательную подготовку, долго вам не прожить, мистер Орсон, – спокойно ответил Лейка. – Если, конечно, вы не согласитесь до конца дней ползать по самым нижним уровням outG, питаясь тараканами и плесенью.

Ответить на это заявление Бенджамин не успел.

– Орк, мы хорошо заплатим за роль подопытной крысы, – громко произнесла Беатрис.

– На нижних уровнях золото без надобности, – буркнул Орсон.

– Я заплачу новой «балалайкой».

И эта фраза заставила Бена задуматься. Он тяжело посмотрел на девушку – она не отвела взгляд, – кивнул, показывая, что услышал и впечатлен, после чего спросил:

– Зачем она мне?

– Мерцающую ртуть можно скрыть под очками, – взвешенно и очень по-взрослому, неожиданно для столь молодой девушки, произнесла Беатрис. – Твоя главная проблема – ar/G. Система знает, что ты заражен, и укажет на тебя, стоит вернуться в онлайн. Чтобы спрятаться, тебе нужен новый чип, Орк, новое имя и, возможно, новая внешность. Хотя мне нравится, как ты выглядишь сейчас.

Лейка приоткрыл рот, явно собираясь что-то сказать, и так же явно передумал.

– На самом деле я выгляжу еще лучше, – медленно ответил Бен, выигрывая время на размышление. – Просто не побрился утром.

– Здесь вам будет предоставлена отдельная комната и собственный санузел, мистер Орсон, – сообщил Фрэнк. – Брейтесь сколько угодно.

Секунд пятнадцать Бенджамин пристально смотрел на него, удерживая на лице отстраненно-равнодушное выражение, после чего поинтересовался:

– Кто победил?

– Крауч, – очень спокойно, словно ждал вопроса, сообщил Лейка. – После аварии он пересел в машину второго номера

команды, вернулся на трассу последним, но приехал первым.

– Господи, мужчины... – Беатрис закатила глаза, но было видно, что она играет.

– Крауч хорош, да?

– Крауч – великий гонщик, – кивнул Фрэнк.

– А ты хочешь стать великим врачом?

– Нам с Беатрис нужны ответы.

– Да, конечно. – Теперь Орк смотрел на девушку. – То есть, если я пописаю в баночку, ты купишь мне новый чип?

– Писать придется много, – деловито ответила Беатрис. – И разумеется, потребуются другие образцы. Придется пройти тесты и дождаться результатов.

– Сколько?

– Дней пять, не меньше.

– Я хочу получить однозначный ответ.

– Неделя, – подал голос Лейка. – Не больше.

– Договорились, – кивнул Орк. – Я остаюсь с вами на семь дней, после чего ты, красавица, покупаешь мне новую «балалайку».

– Не называй меня красавицей, – попросила девушка.

– А кто ты?

– Просто Беатрис.

– Для просто Беатрис ты слишком красива, – качнул головой Орк и протянул руку. – Мы договорились?

– Да, – и в его ладони оказалась тоненькая кисть девушки.

Вы когда-нибудь встречали женщин, которые не лгут? То есть – совсем не лгут, не имеют такой привычки. Я – встречал. Но категорически не понимал, как себя с ними вести. О чем говорить? Какие темы поднимать? Что им может быть интересно, а что – совсем нет?

Но самое главное – я им не верил.

Флирт, интриги и обман естественны для женщин, нравится это мужчинам или нет. Мне, кстати, нравится, потому что в интригах и лжи наши красавицы органичны. И гармоничны. Их внутреннее полностью совпадает с внешним, и образ чудесной женщины обретает поразительную законченность, восхищая ценителей и смущая даже опытных мужчин.

Женщины намного лучше понимают идею лжи, и нет ничего удивительного в том, что именно они первыми оценили достоинства приложений craft(art), популярность которых с развитием ar/G, появлением наноэкранов и «балалаек» взлетела на невообразимую высоту и держится на ней до сих пор. Возьмите top-10 самых скачиваемых приложений за день, неделю, месяц или год, и вы обязательно увидите не менее трех craft(art). Не менее трех приложений, которые делают людей не похожими на себя, помогают выглядеть не так, как на самом деле, и увеличивают количество лжи на

нашей планете. Пользуются ими по-разному: одни исправляют мелочи вроде морщин, родинок, жидких волос или пары лишних килограммов; другие натягивают на себя чужие лица – одно время на улице стало не протолкнуться от Мэрилин Монро, потом – от мультяшных супергероев; третьи покупают мощные, хорошо проработанные редакторы и создают законченные «обложки», скрывая и лица, и фигуры. Я помню, как самая модная студия craft(art) разработала особое приложение для феминисток, среди ее трафаретов была «обложка» лысой немойтой бабы в грязной одежде... для него еще выпустили дезодорант с запахом пота.

Из-за развития craft(art) рухнули продажи косметических и парфюмерных корпораций. Зачем покупать средство по уходу за кожей, если можно закрасить лишай с помощью приложения? Побрызгал на себя наноботами из баллончика, запустил приложение – и через пару минут ты снова красив...

Правда, лишай все равно останется.

Настоящее всегда остается, как его ни прячь, но мало кто об этом думает.

Приложения craft(art) захватили рынок. Женщины отыскали новую игрушку, и женщинам новая игрушка понравилась. Они пользовались приложениями так же часто, как раньше губной помадой, следили за обновлениями и новинками, предпочитая те, сквозь «обложки» которых нельзя увидеть правду с помощью расплодившихся приложений

lookTrue, и я предполагал, что прецедент, о котором сейчас поведаю, будет связан с именем какой-нибудь умной и настойчивой особы, но ошибся.

Впрочем, учитывая обстоятельства, ошибся я не сильно.

Кажется, это случилось в Солт-Лейк-Сити, но я не уверен, поскольку не запоминал специально. Ведь история выглядела анекдотом... да, по сути, и была им... и осталась... Анекдотом в современном понимании, как смешная, забавная история, из которой не делают выводов, потому что мало кто способен осознать глубинный смысл рядового события до того, как оно начнет влиять на жизнь общества, тем более если это событие кажется анекдотом.

Но по порядку: федеральная судья Малик отказала мистеру Циммерману в аннулировании брака с мистером Брауном-Цельсом.

Джентльменская свадьба получилась скоропалительной, как говорится – по любви и страсти, но в полном соответствии с законом о внезапных браках, и проведенный экспресс-анализ не выявил в крови влюбленных следов наркотиков, как разрешенных, так и запрещенных, только алкоголь в допустимых для свершения таинства количествах. Знаменательное событие было официально зарегистрировано, и счастливые новобрачные отправились в свадебное путешествие в ближайший мотель. А уже в следующий полдень мистер Циммерман явился в суд с требованием аннулировать брак на том основании, что мистер Браун-Цельс ока-

зался активным пользователем craft(art) и сознательно ввел жениха в заблуждение относительно своей внешности. Когда наведенная «обложка» заглянула, мистер Циммерман с ужасом разглядел у своего почти идеального партнера жидкие волосы, бородавку и близко посаженные глазки. Вместо записного красавца в постели джентльмена оказался уродец, напоминающий крошку Цахеса. Мистер Браун-Цельс, в свою очередь, был не против развода, но настаивал на крупной разовой выплате за разбитое сердце и алиментах в течение десяти последующих лет. Тут следует добавить, что мистер Циммерман был неприлично богат.

Дело вызвало огромный резонанс, вы наверняка о нем слышали и наверняка мысленно заняли чью-то сторону. Одни жалели романтического Циммермана, оказавшегося в цепких лапах охотника за богатством, другие желали успеха Брауну-Цельсу, сумевшему дотянуться до кошелька миллионера. И никто не задумывался над тем, какое влияние окажет процесс на мир.

Да, я не оговорился: на весь мир.

Судья Малик приняла сторону мистера Брауна-Цельса, и вскоре ее решение было подтверждено Верховным Судом, до которого ухитрились дойти адвокаты мистера Циммермана. Возник прецедент Циммермана – Брауна-Цельса, и ложь перестала быть достаточной причиной для развода.

«Обложки» стали частью жизни, приложения craft(art) обрели статус реальности, всемирная судебная система

признала, что нарисованное имеет силу настоящего.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

* * *

Манхэттен США, Нью-Йорк апрель 2029

Нежность...

Вот что всегда искала Карифа в отношениях. Удовольствие и удовлетворение, упоительные в своей сладости вершины, на которые ее возносили любовники, блаженная усталость, наступающая на этих вершинах, опустошение, когда уходили те, кто особенно дорог, приятная расслабленность, когда переставали звонить надоевшие, – Карифа воспринимала отношения во всех проявлениях, находя в них отдушину от жесткой рутины профессии, но в первую очередь искала нежность.

Мягкие прикосновения.

Тихие ласки.

Шепот и обжигающе горячее дыхание.

Невозможно приятные слова...

Поиск нежности начался не сразу. В юности и молодости Карифа обожала жесткий, неистовый секс, не отказывалась от экспериментов, даже искала их, иногда выжигала себя дотла, иногда пачкалась в грязи, часто плакала потом, в очередной раз оставшись одна, плакала от того, что снова не нашла то, что искала.

А не находила, так как не понимала, что ищет.

Не понимала до тех пор, пока однажды, еще в Академии, незадолго до выпуска, после особенно жаростно спарринга, из которого вышла победительницей, на волне куража и нежелания окупаться в привычное «веселье», оказалась в постели с соседкой по комнате. Карифа не чуралась экспериментов, впервые побывала с женщиной еще в последнем классе, но не получила и десятой доли той нежности, которой одала ее подруга. Карифа не сделала окончательного выбора в пользу чего-то одного, не отказалась от мужчин, но встречаться с женщинами стала много чаще, а последний год и вовсе провела в объятиях агента Рейган.

Ну, так получилось.

Получилось, несмотря на то что отношения между сотрудниками, тем более – оперативной службы, тем более – из одной группы, – в GS были строжайше запрещены.

Так получилось...

– Тебе хорошо?

– Мне замечательно, – прошептала лежащая на спине Карифа. – Ты даже не представляешь, как мне хорошо.

– Представляю, – улыбнулась Рейган, нежно покусывая соски любовницы.

– Нет...

– Да...

Удивительная Рейган, колючая и грубоватая на службе, жестокая в бою и... и такая ласковая в постели. Причем зе-

леноволосая не только искала нежности, как Карифа, но обожала дарить ее, стремясь отдать то, чем не могла поделиться в обычной жизни.

Ведь в обычной жизни ей приходилось убивать и ломать кости.

Да к черту обычную жизнь!

– Сейчас будет совсем хорошо, – пообещала Рейган.

– Знаю, – едва слышно отозвалась Карифа, судорожно комкая простыню.

И закричала, не в силах сдержать накативший оргазм. Засучила ногами, застонала, заколотила Рейган по спине, счастливо смеясь, отдаваясь и радуясь этому.

А потом долго лежала, с наслаждением впитывая ласковые поглаживания подруги.

Нежность...

– Мне хорошо с тобой, – прошептала Рейган, прижимаясь щекой к плоскому животу любовницы.

– А мне с тобой великолепно.

– Я не шучу.

– Я тоже.

– Ты ведь знаешь, что я перестала встречаться с другими женщинами?

– А ты знаешь, что мы не давали обещаний, – отозвалась Карифа. – Во всяком случае, пока.

– Я это принимаю, – признала зеленоволосая, поглаживая бедра любовницы. – Как и твои приключения.

Всегда принимала. Злилась, но принимала, и Карифу это устраивало, потому что она свой выбор еще не сделала. Амин догадывалась, что любовь заставляет Рейган принимать ее приключения, терпеть, возвращаться к ней, делая вид, что все в порядке, но ничего не могла поделать – Карифе нравилось бывать с мужчинами.

А теперь – с одним мужчиной.

Карифа все понимала, никак не реагировала на грусть в голосе Рейган, но сегодня в прозвучавшей фразе отчетливо слышались новые нотки, которые заставили Амин поинтересоваться:

– Почему ты заговорила об этом?

– Ты отдаляешься, – почти сразу ответила зеленоволосая.

Она ждала вопроса.

– Нет.

– Из этой чертовой поездки ты вернулась совершенно другой.

– Рейган...

Однако любовница не позволила себя перебить.

– Я не прошу и уж тем более не требую от тебя отчета, Карифа, мне известен предел наших отношений, и я... если я когда-нибудь и мечтала о чем-то большем, то это были только мечты. Я никогда не стану на тебя давить. Но я боюсь за тебя.

– Из-за нашего задания? – удивилась Амин.

– Потому что ты изменилась, – твердо повторила Рейган.

– Не понимаю.

Зеленоволосая привстала на локтях и посмотрела любовнице в глаза:

– Мы не всегда действуем по букве закона, потому что такова наша работа: когда возникает неустранимая проблема, мы приходим и устраняем ее. Ни я, ни ты – никто из нас не испытывает по этому поводу восторга, но такова игра. В нее играют с того дня, как появился первый закон, потому что люди, которые хранят закон, не всегда могут хранить его, играя по правилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.